СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

II.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 20 Сентября 1834 года.

Цензоръ А. Никитенко.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Романсы и пѣсни.
Элегіи.
Посланія.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1835.

Изданіе Книгопродавца Александра Смирдина.

РОМАНСЫ И ПѢСНИ.

РОМАНСЫ И ПѢСНИ.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Дубрава шумитъ;
Сбираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

„Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась:
Жила, и любила.... и друга лишилась.

„Теките струёй
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной.
Уже не видать мнѣ веселія дней;
Простилась, простилась я съ жизнью моей:
Мой другъ не воскреснетъ; что было, не будетъ....
А бывшаго сердце во вѣкъ не забудетъ?

„Ахъ, скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною — природы
Красы разцвѣтутъ....
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

МАЛЬВИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другою,
Мальвина вянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою;
Теперь — прости, прелестный свѣтъ!
Ахъ, не отринь любви моленья:
Приди... не сердце мнѣ отдать,
Но взоръ потухшій мой принять
Въ минуту смертнаго томленья.

Спѣши, спѣши! близка кончина;
Смотри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовью и тоской;
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый и недвижный взглядъ,
Тебѣ, о милый, возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье.

Ахъ, нѣтъ!... когда жь Мальвины муку
Не услаждаетъ твой приходъ;
Когда хладѣющую руку

Она тебѣ не подаетъ;
Когда забытъ мой другъ единый,
Мой взоръ престалъ его искать,
Душа престала обожать:
Тогда — тогда ужь нѣтъ Мальвины.

ЦВѢТОКЪ.

Минувшая краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,
Лишенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнѣтаетъ:
Съ тебя листочикъ облетѣлъ —
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри.... очарованья нѣтъ!
Звѣзда надежды угасаетъ....
Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ исчезаетъ?

ПѢСНЬ АРАБА

НАДЪ

МОГИЛОЮ КОНЯ.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ.

О путникъ, со мною страданья дѣли:
Царь быстраго бѣга простертъ на земли;
И воздухомъ брани уже онъ не дышетъ;
И грознаго ржанья пустыня не слышетъ;
Въ стремленьи погибель его нагнала;
Вонзенная въ выю дрожала стрѣла;

И кровь благородна струсю бѣжала;
И влагу потока струя обагряла.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ
палъ.

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣленна скатилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И трупъ изтлѣваетъ въ пустынѣ безъ славы....
Но спитъ онъ, со мною летавшій на брань;
Трикраты воззвалъ я: сопутникъ, возстань!
Воззвалъ.... безотвѣтенъ.... угаснула сила....
И бранныя кости одѣла могила.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ
палъ.

Съ того ненавистнаго, страшнаго дня
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня;
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцахъ нѣтъ силы;
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;
Іеменя доселѣ драгіе края
Уже не отчизна — могила моя;

И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ
палъ.

Въ часъ зноя и жажды скакалъ онъ со мной
Ко древу прохлады, къ струѣ ключевой;
И Мавра топтали могучи копыта;
И грудь отъ противныхъ была мнѣ защита;
Мой вѣрный соратникъ въ бою и трудахъ,
Онъ, бодрый, при первыхъ денницы лучахъ,
Стрѣлою, покоренъ велѣнію длани,
Леталъ на свиданья любови и брани.

О другъ! кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Ты спишь — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ
палъ.

Ты видѣлъ и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вѣроломны тебя величали,
И нѣжныя длани хребетъ твой ласкали;
Ахъ! Зара, какъ серна стыдлива была;
Какъ юная пальма долины цвѣла;

Но Зара пришельца плѣнилась красою,
И скрылась.... ты, спутникъ, остался со мною.

Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ
палъ.

О спутникъ! тоскуетъ твой другъ надъ тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ отрады;
Надъ нами повѣетъ дыханье прохлады;
И скоро, при гласѣ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба исторгнувъ меня,
Величественъ, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезёю.

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ міръ ее послалъ
Себѣ на прославленье.
„Будь скорбнымъ Провидѣнье!“
Создавъ ее, сказалъ:

„Кто, счастія лишенъ,
Назвалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ.“

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Что бъ въ сей юдоли слезъ
Ее не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
Не скрывайся! я взывалъ;
Непреклонная сокрылась;
Якорь былъ — и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалися валы;
Бездны въ мракѣ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы.
„Нѣтъ надежды на спасенье!“
Я роапалъ, унывъ душой....
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою

И грозящія скалы,
Мощный велъ меня Хранитель.
Вдругъ — все тихо! мракъ исчезъ!
Вижу райскую обитель....
Въ ней трехъ Ангеловъ небесъ.

О спаситель-Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣнахъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость,
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость — мнѣ страданье;
Но.... не дай ихъ пережить.

ПѢСНЯ.

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье — какъ и прежде;
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, ввѣряяся надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

Такъ впляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылёкъ;
Лишь къ цвѣтку—прильнулъ къ листочкамъ,
Полетѣлъ — забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея —
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его — то и милѣе,
Грусть забвеньемъ лѣчитъ онъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы

И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье — такъ какъ прежде;
Кто улыбку позабылъ;
Кто, сказавъ: прости! надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный;
Я сорвать... но что же рокъ?
„Не тебѣ имъ насладиться;
Не твоимъ ему доцвѣсть!“
Ахъ, жестокій! чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

ПѢСНЯ.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?

*

Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу — въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо — имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной:
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали,
Тебя любить — одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается;
Проснусь — и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣ ль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь — мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;

Я въ сердце твой прiемлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ.
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя души очарованье?

Тобой, и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
Въ тебѣ природѣ удивляюсь.
И съ чѣмъ мнѣ жребiй мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь — ахъ! я любить
Еще стократъ желалъ бы болѣ.

ПѢСНЯ.

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ — и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь....
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,

Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли — ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку;
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ:
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку —
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ;
Но и въ дали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужь все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
Меня, мой другъ не позабудь.

ПѢСНЯ.

Отымаетъ наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;
Не одно ланитъ пыланіе
Тратимъ съ юностью живой —
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный чолнъ;
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Чолнъ безпарусный манитъ?

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ.
Къ наслажденью охлажденная,

Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И навѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или *прежнее* ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ —
То обманъ; то плющь играющій
По развалинамъ сѣдымъ;
Сверху листъ благоухающій —
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое!
Дайте быть постаринѣ!
Иль оплакивать *бывалое*
Слезъ *бывалыхъ* дайте мнѣ!
Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши:
Такъ и слезы — освѣженіе
Запустѣвшія души.

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужь нѣтъ?
Пустынный край не населится;

Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть *одинъ* жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

ЖАЛОБА.

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
„Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ всѣ радости земныя
Цвѣтъ увядшій полевой.

„Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ;
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;

Я смотрю — и холмъ веселой
    И поля омрачены;
Для души осиротѣлой
    Нѣтъ цвѣтущія весны.

Что въ природѣ, озаренной
    Красотою майскихъ дней?
Есть *одна* во всей вселенной —
    Къ *ней* душа, и мысль объ *ней*;
Къ ней стремлю, забывшись, руки —
    Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жь мои услышитъ муки,
    Жажду сердца утолитъ?“

СИРОТКА.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужь ей печаль знакома стала;
Веселье спутникъ дѣтскихъ лѣтъ —
А ей судьба въ немъ отказала.

Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило....
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣнье!
Въ твоемъ владеньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита:
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье....
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты.

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:

Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель....
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣнье,
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ;
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла;
Ужасный громъ ударилъ мимо;
Тебя мать *добрая* нашла
Намѣсто матери *родимой:*
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта....
Молись же: чтобъ Творецъ защита
Былъ *Той*, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье,
Прими *ее* подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье —
Ея дѣтей благослови.

ПѢСНЬ
РУСКОМУ ЦАРЮ
от҃ его воиновъ.

Гряди, нашъ ЦАРЬ, Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И низпровергнутъ сопостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ ЦАРЬ, нашъ славный вождь Царей.

Къ Его стопамъ мечи кровавы;
Къ Его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань —
Рѣшившему святую брань.

Нашъ ЦАРЬ, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Се громъ, Твоей свершитель мести;

Се знамена еще въ пыли;
Се нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и Царь!

Младый Наслѣдникъ полвселенны —
Межъ насъ впервой Ты мечь пріялъ;
Нашъ ЦАРЬ — ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь — Ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи жь, о Вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ Тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась —
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ ЦАРЯ, какъ Божій лучь,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучь.

Ко мщенью Ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество Царямъ;
Ты знамена святой Свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И Твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окована молчитъ.

Отъ Немана до Океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;

И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но Кто на Русь Твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ
И Сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И казни вѣстникъ, грозный Страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ ЦАРЬ, Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И низпровергнутъ сопостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ Своей
Нашъ ЦАРЬ, нашъ славный вождь Царей.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь.

Строемъ станьте, пѣсню гряньте
Про Царя и про народъ.
Царь державный, Русью славной
Правь на славу въ родъ и родъ.

Были годы, непогоды
Поднимались и на насъ;
Съ громомъ брани въ наши грани
Темный врагъ вбѣгалъ не разъ.

Но проснулся, развернулся
Нашъ Орелъ вождемъ полковъ;
Свѣтъ дивится, Русь гордится
Славой дѣдовъ и сыновъ.

День Полтавы — праздникъ славы;
Измаилъ, Кагулъ, Рымникъ;
Бой Московскій; взрывъ Кремлёвскій,
И въ Парижѣ Русскій штыкъ.

За Балканомъ Рускимъ станомъ
Устрашенный старый врагъ,
И въ ограду Царю-граду
На Босфорѣ Русскій флагъ.

Величайся жь, Русь святая;
Славься доблестный народъ,

От Камчатки до Дуная
Наше все и все поетъ:

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь.

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

Младый Рогеръ свой острый мечь беретъ:
За вѣру, честь и родину сразиться!
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ:
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься.
„Не плачь; надъ нами щитъ Творца;
„Еще насъ небо не забыло;
„Я буду вѣренъ до конца
„Свободѣ, мужеству и милой."

Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримымъ строемъ.

„ Сей видъ не страшенъ для бойца;
„ И смерть ли небо мнѣ судило —
„ Останусь вѣренъ до конца
„ Свободѣ, мужеству и милой."

И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды какъ пламень-истребитель;
И вспыхнулъ бой и врагъ ужь истребленъ;
Но . . . побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя, твоей судьбою стала?
Его ужь нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою — и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

*

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?....
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю *здѣсь*, сколь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на *землѣ* великое не тщетно;
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнять;
О милый, *здѣсь* не будетъ безъотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши *одинъ* начатое *вдвоемъ*.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно,
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СЛЕЗАХЪ.

Скажи, что такъ задумчивъ ты?
Все весело вокругъ;
Въ твоихъ глазахъ печали слѣдъ;
Ты вѣрно плакалъ, другъ?

„О чемъ грущу, то въ сердце мнѣ
„Запало глубоко;
„А слезы... слезы въ сладость намъ:
„Отъ нихъ душѣ легко.“

Къ тебѣ ласкаются друзья,
Ихъ ласки не дичись;
И чтобы ни утратилъ ты,
Утратой подѣлись.

„Какъ вамъ счастливцамъ то понять,
„Что понялъ я тоской?
„О чемъ.... но нѣтъ! оно мое,
„Хотя и не со мной.“

Не унывай же, ободрись;
Еще ты въ цвѣтѣ лѣтъ;

Ищи — найдёшь; отважнымъ, другъ,
Несбыточнаго нѣтъ.

„Увы! напрасныя слова!
„Найдешь — сказать легко;
„Мнѣ до него, какъ до звѣзды
„Небесной далеко.“

На что жъ искать далекихъ звѣздъ?
Для неба ихъ краса;
Любуйся ими въ ясну ночь,
Не мысля въ небеса.

„Ахъ, я любуюсь въ ясный день;
„Нѣтъ силъ и глазъ отвесть;
„А ночью... ночью плакать мнѣ
„Покуда слезы есть.“

КЪ МѢСЯЦУ.

Снова лѣсъ и долъ покрылъ
Блескъ туманный твой:

Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной.

Ты блеснулъ... и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ,
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужь отцвѣла;
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

Ахъ, то было и моимъ,
Чѣмъ такъ сладко жить;
То, чего, разставшись съ нимъ,
Вѣчно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастливъ кто отъ хлада лѣтъ
Сердце охранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,

Кто дѣлитъ съ душой родной,
Втайнѣ отъ людей,
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей.

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ…

Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочъ! отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ олтарёмъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ миръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?
Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса....
Облака, летя, сіяютъ,
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?
Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край *желаннаго* сокрытъ?...

Кто жь къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное *Тамъ*?

УТѢШЕНІЕ.

Свѣтитъ мѣсяцъ; на кладбищѣ
Дѣва въ черной власяницѣ
Одинокая стоитъ,
И слеза любви дрожитъ
На густой ея рѣсницѣ.

„Нѣтъ его; на томъ онъ свѣтѣ;
„Сердцу смерть его утѣшна:
„Онъ достался небесамъ;
„Будетъ чистый Ангелъ тамъ —
„И любовь моя безгрѣшна.

Скорбь ее къ святому лику
Богоматери подводитъ:
Онъ стоитъ въ огнѣ лучей,

И на дѣву изъ очей
Милость тихая писходитъ.

Пала дѣва предъ иконой,
И безмолвно упованья
Отъ Пречистыя ждала....
И душею перешла
Непримѣтно въ миръ свиданья.

ТАИНСТВЕННЫЙ
ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилѣталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой

Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не Любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?...
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ?
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ......
Снятъ покровъ; любви не стало;
Жизнь пуста и счастье сонъ.

Не волшебница ли Дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь Поэзія была?.....
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:

Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что въ дали.

Иль Предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни то бывало:
Кто-то свѣтлый подлетитъ
И подыметъ покрывало,
И въ далекое манитъ.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ.

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;

Вы равнодушно разцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго
Младой денницей пробуждёнъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны:
Но вы къ землѣ цвѣты прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;
Вамъ непонятенъ чувства гласъ;
Стремишься къ вамъ безъ упованія;
Безъ горя забываешь васъ.

Пускай же къ вамъ резвясь ласкается
Какъ вы минутный ветерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два ненадменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія;
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужь въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

КЪ МИМОПРОЛЕТѢВШЕМУ ЗНАКОМОМУ

ГЕНІЮ.

Скажи, кто ты, плѣнитель безымянной?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
За чѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И въ старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ въ щастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтло-ясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую жь вѣсть принесъ ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И, прежнихъ думъ напрасный пробудитель,
О счастіи шепнешь и замолчишь?

О Геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши;
Останься, будь мнѣ жизнію земною;
Будь Ангеломъ-Хранителемъ души.

ЖЕЛАНІЕ.

Озарися, долъ туманный;
Разступися, мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ....
Ахъ, зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны лиры;
Тамъ обитель тишины;
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны;
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ;
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!

Полечу туда... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ;
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу.... гдѣ жь вожатый?
Ѣдемъ!... будь, что суждено....
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесъ.

МЛАДЕНЕЦЪ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ ГРАФИНИ О. П.)

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,

Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.

Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ —
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.

Волны плещутъ на челнокъ —
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у бреговъ
Объ утесы, развалился...
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Челнъ забытъ; а гибель? страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ....
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.

Вотъ примѣръ: безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ:
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье.

Здѣсь твоя стезя вѣрна;
Мнѣ чѣмъ другимъ опасна;
Жизнь красой души красна...
А твоя душа прекрасна.

СОНЪ.

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
Вблизи большой дороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда гдѣ жили боги.

Но я проснулся наконецъ,
И смутно озирался:
Дорогой шелъ младой пѣвецъ,
И съ пѣньемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ —
Но струны все звѣнѣли.
Ахъ, не онѣ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

Дорогой шла дѣвица;
Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица;
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста —
И снова разцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ *кельѣ*;
Въ *тюрьмѣ* проснулся онъ.

ПѢСНЯ.

Къ востоку, все къ востоку;
Стремленіе земли,
Къ востоку, все къ востоку

Летитъ моя душа:
Далеко на востокѣ,
За синевой лѣсовъ,
За синими горами
Прекрасная живетъ.

И мнѣ въ разлукѣ съ нею
Все мнится, что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мнѣ она явилась
Когда-то въ древни дни,
Что мнѣ объ ней остался
Одинъ блаженный сонъ.

ПѢСНЯ.

Розы разцвѣтаютъ,
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;

Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.

Розы разцвѣтаютъ —
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

ЗАМОКЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Ты видѣлъ ли замокъ на брегѣ морскомъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

„Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ морскомъ;
„Сіяла надъ нимъ одиноко луна;
„Надъ моремъ клубился холодный туманъ.“

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сливался ли гласъ
Веселаго пѣнья, торжественныхъ струнъ?

„Былъ вѣтеръ спокоенъ; молчала волна;
„Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣснь;
„Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея.“

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

„Царя и царицу я видѣлъ... вдвоемъ
„Безгласны, печальны сидѣли они;
„Но милой ихъ дочери не было тамъ.“

ГОРНАЯ ДОРОГА.

Надъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
    Межъ жизнью и смертію мчится;
Толпа великановъ ее сторожитъ;

Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
Въ молчаньи пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ *мостъ* черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой —
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ;
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразитъ.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ *ворота*;
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ — долина, долинъ красота;
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре *потока* оттуда шумятъ —
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Раждаются вмѣстѣ; родясь, разстаются;
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два *утеса* стоятъ,
Превыше всего, что земное;

Кругомъ облака золотыя кипятъ,
    Эѳира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
    На вѣчно-незыблемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиваетъ чело,
    И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть;
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть.

ПѢВЕЦЪ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
        На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ....
        Увы, друзья, сей холмъ — могила;
        Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
            Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою —
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы....
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ.

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ:
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ.

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
„О красный міръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ,
Прости навѣкъ; съ обманутой душою
Я счастья ждалъ — мечтамъ конецъ;
Погибло все; умолкни лира;
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ.„

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой;
Желать всякъ часъ и трепетать желанья....
О пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?

И нѣтъ пѣвца..... его не слышно лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ.... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

ЖИЗНЬ.

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая плыла;
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ;

На холодномъ небѣ мгла;
Тмою звѣзды обложило;
Бури нѣтъ — одинъ туманъ;
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.

Было время — былъ день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны,
Были свѣжіе луга.
И за *ней* вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ *Мечтою*
И живыхъ *Надеждъ* семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный парусъ свой.
Къ ней *Фантазія* летала
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
И съ небесъ къ ней прикликала
Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
Надъ возвышенной главой,
И *Хариту* съ молодою

Музой, Генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнье,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ!....

Все пропало, измѣнило;
Разлетѣлися друзья;
Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И прискорбно-равнодушна
Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся;
Дрогнулъ руль; быстрѣй челнокъ.

Смотритъ.... ангеломъ прекраснымъ
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ яснымъ

Подарилъ, и въ лодку сѣлъ;
И запѣлъ онъ пѣснь надежды;
Жизнь очнулась, ожила,
И съ волненьемъ робки вѣжды
На красавца подняла.

Видитъ.... мрачность разлетѣлась;
Снова зеркальна вода;
И привѣтно загорѣлась
Въ небѣ яркая звѣзда;
И въ нее проникла радость,
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ упованьемъ отдана.

О хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьёй
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для *Жизни* будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

УЗНИКЪ КЪ МОТЫЛЬКУ,

ВЛЕТѢВШЕМУ ВЪ ЕГО ТЕМНИЦУ.

Откуда ты, эѳира житель?
Скажи нежданый гость небесъ;
Какой зефиръ тебя занесъ
Въ сію печальную обитель?
Увы, денницы милый свѣтъ
До сводовъ сихъ не достигаетъ;
Въ сей безднѣ ужасъ обитаетъ;
Веселья здѣсь и слѣду нѣтъ.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, съ высоты
Страдальца вздохъ услышалъ ты —
Тебя примчало сожалѣнье;
Увы! убитая тоской
Душа весь міръ въ тебѣ узрѣла,
Надежда ясная влетѣла
Въ темницу къ узнику съ тобой.

Скажи жъ, любимый другъ Природы,
Всѣ тѣже ль неба красоты?

*

По прежнему ль въ лугахъ цвѣты?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По прежнему ль въ тиши ночной
Поетъ дубравная пѣвица?
Увы, скажи мнѣ, гдѣ денница?
Скажи, что здѣлалось съ весной?

Дай вѣсть услышать о свободѣ;
Слыхалъ ли пѣснь ея въ горахъ?
Ее видалъ ли на лугахъ
Въ одушевленномъ хороводѣ?
Ахъ, зрѣлъ ли милую страну,
Гдѣ я былъ счастливъ въ прежни годы?
Все таже ль тамъ краса природы?
Все такъ ли тамъ, какъ встарину?

Весна сихъ сводовъ не видала;
Ты не найдешь на нихъ цвѣтка;
На нихъ затворниковъ рука
Страданій повѣсть начертала;
Не долетаетъ къ симъ стѣнамъ
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здѣсь одно стенанье;
Ты здѣсь порхаешь по цѣпямъ.

Лети жь, лети къ свободѣ въ поле;
Оставь сей бездны глубину;

Спѣши прожить твою весну —
Другой весны не будетъ болѣ;
Спѣши, творенія краса!
Тебя зовутъ луга шелковы:
Тамъ прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь веселъ, гость мой легкокрылой,
Рѣзвяся въ полѣ по цвѣтамъ....
Быть можетъ, двухъ младенцевъ тамъ
Ты встрѣтишь съ матерью унылой.
Ахъ, еслибъ могъ ты усладить
Ихъ муку радости словами;
Сказать: онъ живъ! онъ дышетъ вами!
Но.... ты не можешь говорить.

Увы, хоть крыльями златыми
Моихъ младенцевъ ты прельсти;
По травкѣ тихо полети,
Какъ бы хотѣлъ быть пойманъ ими;
Тебѣ помчатся вслѣдъ они,
Добычи милыя желая;
Ты ихъ, съ цвѣтка на цвѣтъ порхая,
Къ моей темницѣ примани.

Забавъ ихъ зритель равнодушной,
Пойдетъ за ними вслѣдъ ихъ мать —

Ты будешь путь ихъ услаждать
Своею рѣзвостью воздушной.
Любовь ихъ мой послѣдній щитъ;
Они страдальцу Провидѣнье;
Сиротъ священное моленье
Тюремныхъ стражей побѣдитъ.

Падутъ желѣзные затворы —
Дѣтей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, лѣса
Опять мои увидятъ взоры....
Но что?... я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ-обольститель;
Вспорхнулъ эѳирный посѣтитель....
Постой!... но онъ ужь улетѣлъ.

МЕЧТЫ.

Почто такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!

О дней моихъ весна златая,
Постой .... тебѣ возврата нѣтъ
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось вслѣдъ

О, гдѣ ты, лучь, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужь нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты ....
Добыча истинѣ унылой
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ —
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевленъ —
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.

Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ....
Но ахъ, сколь мало въ немъ развито!
И малое — сколь бѣдный цвѣтъ.

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботъ не связанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было — исполненье;
Успѣхъ отвагу пламенилъ;
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ее воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:

Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ Счастіе ключемъ,
И Слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ Истина лучемъ.

Но ахъ!... еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги....
За роемъ вслѣдъ умчался рой.
Украдкой Счастіе сокрылось;
Измѣной Знаніе ушло;
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной Истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный славу похищалъ;
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ Любви увялъ.
И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной;
Едва Надежды лишь сіяло
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто жь изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ?...

Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, Дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый генiй съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый;
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой

ЭЛИЗIУМЪ.

Роща, гдѣ, податель мира,
    Добрый Генiй смерти спитъ;
Гдѣ румяный блескъ эфира
    Съ тѣнью зыбкихъ сѣней слитъ,

Гдѣ источника журчанье
Какъ далекій отзывъ лиръ.
Гдѣ Печаль, забывъ роптанье.
Обрѣтаетъ сладкій миръ.

Съ тайнымъ трепетомъ, смятенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входитъ въ сумракъ твой Психея;
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенѣя,
Развила она крилѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣтѣ,
Съ обновленною красой,
Въ доль туманный, къ тайной Летѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ея незримый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропимы
Очарованны брега.

Въ ней надежда, ожиданье,
Наклонилася къ водамъ,
Усмиряющимъ страданье....
Ликъ простерся по струямъ;

Такъ безоблаченъ играетъ
    Въ морѣ мѣсяцъ молодой;
Такъ въ источникѣ сверкаетъ
    Факелъ Геспера златой.

Лишь ѳiялъ воды забвенья
    Поднесла къ устамъ она —
Дней минувшихъ привидѣнья
    Скрылись легкой тѣнью сна.
Заблистала, полетѣла
    Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
    Свѣтлы воды по цвѣтамъ.

Все въ торжественномъ молчаньѣ.
    Притаились вѣтерки;
Лавровъ стихло трепетанье;
    Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все творенье —
    Море, воздухъ, берегъ дикъ —
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
    Анадiомены ликъ.

Всюду яркiй блескъ Авроры.
    Никогда такой красой
Не сiяли рощи, горы,
    Обновленныя весной;

Мирты съ зыбкими листами
        Топутъ въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
        Отразилися въ водахъ.

Такъ волшебный лучь Селены
        Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
Гдѣ, ловитвой утомленный,
        Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣнивой ропотъ,
        Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсѣ шопотъ:
        Пробудись, Эндиміонъ!

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался не далёкъ.
„Странникъ — слышалось — терпѣнье
Прямо, прямо на востокъ.

Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности *небесной*
Все *земное* обрѣтешь. “

Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось;
Я искалъ — не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною —
Водъ склоненье на востокъ;

Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьи;
Все что мило — мнится — тамъ!

Ахъ, въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далекъ.

И вовѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею....
Тамъ не будетъ вѣчно *здѣсь*.

ЭЛЕГІИ.

СЛАВЯНКА

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда, въ осенній день, въ твои глядятся воды
Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія природы.

Спѣшу къ твоимъ брегамъ... сводъ неба тихъ и чистъ
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина,
То вдругъ, сквозь чащу древъ, мелькаетъ предо мной,
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

*

То вдругъ изчезло все... окрестъ сгустился лѣсъ;
Все дико вкругъ меня, и сумракъ и молчанье;
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Верхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуновеньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ;
Смущая тишину паденьемъ....

И вдругъ пустынный храмъ въ дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ густой
И дремлютъ ели гробовые.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ;
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой главою,
Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужь нѣтъ
Съ неизмѣняющей Мечтою.

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ;
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно-минувшаго внимаетъ.

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь блага нашихъ дней,
Сколь всѣ величія мгновенны.

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы:
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
        Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
        Младые спутники денницы....

О, сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуя ль полетитъ она за край земной —
        Тамъ всѣ утраченные живы;

Къ землѣ ль наклонитъ взоръ — великій рядъ чудесъ:
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ славнымъ;
И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
        Спокойный подъ щитомъ державнымъ.

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый лѣсъ,
Опять рѣка вдали мелькаетъ средь долины;
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь небесъ,
        То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей озаренна;
Спокойное село надъ ясною рѣкой,
        Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣгущихъ;
Тамъ медленно, скрыпя, тащится рядъ возовъ,
Тяжелый грузъ споповъ везущихъ.

Но солнце катится беззнойное съ небесъ;
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ;
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ теменъ надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявы тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтьвями,

Сѣнистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ;
Здѣсь храмъ между березъ и яворовъ мелькаетъ;
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка;
Сколь здѣсь ея бреговъ плѣнительна картина;
Въ лазоревый кристалъ слiясь вкругъ челнока,
Яснѣетъ водъ ея равнина.

Но гаснетъ день... въ тѣни склонился лѣсъ къ водамъ;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ облитъ,
И пышный домъ Царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ, блеститъ
Въ величiи уединенномъ.

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой -
И рощи и брега, смѣшавшись, поблѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшiя зарёй,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина;
Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой тмѣ промчится
Невнятный гласъ.... или колыхнется волна....
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ.... окресность вся молчитъ....
Какъ привидѣнiе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы эѳирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышитъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою.

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лице, и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.

Смотрю.... и, мнится, все, что было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ.

Но гдѣ онъ?... Скрылось все.... лишь только въ тишинѣ
Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто Геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье.

О, кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ во слѣдъ!
Скажи: безсмертный ли предѣловъ сихъ хранитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи: земной ли свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?...

И Ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ; на лицѣ величіе смиренья;
Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ;
Младая Жизнь въ слезахъ простерта предъ тобою....
Но гдѣ я?... Все вокругъ молчитъ.... призракъ изчезъ,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобратился;
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся:

НА КОНЧИНУ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ

Ты улетѣлъ, небесный посѣтитель;
Ты погостилъ не долго на земли;
Мечталось намъ, что *здѣсь* твоя обитель;
Уже *своимъ* тебя мы нарекли....
Пришла Судьба, свирѣпый истребитель:
И мы слѣдовъ твоихъ ужь не нашли:
Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ....
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Губителемъ, неслышнымъ и незримымъ,
На всѣхъ путяхъ Бѣда насъ сторожитъ;

Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ;
Гнѣтомы всѣ единой грозной Силой;
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: *было!*

Но въ свой черёдъ съ деревьевъ обвѣтшалыхъ
Осенній листъ, отвянувши, падетъ;
Слагая жизнь старикъ съ раменъ усталыхъ,
Ее, какъ долгъ, могилѣ отдастъ;
Къ страдальцу Смерть на прахъ надеждъ увялыхъ,
Какъ званый другъ, желанная идетъ....
Природа здѣсь вѣрна стезѣ привычной;
Безъ ужаса беремъ удѣлъ обычной.

Но если вдругъ, нежданая, вбѣгаетъ
Бѣда въ семью играющихъ Надеждъ;
Но если жизнь измѣною слетаетъ
Съ веселыхъ, ей лишь мигъ знакомыхъ вѣждъ,
И Счастіе младое умираетъ,
Еще не снявъ и праздничныхъ одеждъ....
Тогда нашъ духъ объемлетъ трепетанье,
И силой въ грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,

Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно....
Почто жь мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ Надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ Бѣды грядущей.

Кого спѣшишь Ты, Прелесть молодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?
Куда бѣжишь, ужаснаго не чая,
Привыкшая съ сей жизнью лишь играть?
Не Радость — Вѣсть стучится гробовая....
О подожди сей прагъ переступать;
Пока Ты здѣсь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая всѣ таинства утратъ,
И ты спѣшишь съ надеждой на свиданье....
Ахъ, удались отъ входа сихъ палатъ;
Отложено на вѣкъ торжествованье;
Счастливцы тамъ Тебя не угостятъ;
Ты посѣтишь обитель ужь пустую....
Смерть унесла хозяйку молодую.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
Страшилищемъ скитается Молва;

Ужъ прорвалась къ убѣжищу Царицы;
Ужъ шепчетъ тамъ ужасныя слова;
Трепещетъ все, печалью блѣдны лицы....
Но мертвая для матери жива;
Въ Ея душѣ спокойствіе незнанья;
Предъ ней мечта недавняго свиданья.

О Счастіе, почто же на отлетѣ
Ты намъ въ лице умильно такъ глядишь?
Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
Спѣша отъ насъ: *я вѣчно!* говоришь;
И къ милому, ужь *бывшему* на свѣтѣ,
Насъ прелестью нѣжнѣйшею манишь?...
Увы, въ тотъ часъ какъ матерь ты плѣняло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И насъ губя съ холодностью ужасной,
Еще Судьба смѣяться любитъ намъ;
Ея ужь нѣтъ, сей жизни столь прекрасной....
А Мать, склонясь къ обманчивымъ листамъ,
Въ нихъ видитъ дочь надеждою напрасной,
Ввѣряетъ жизнь безжизненнымъ чертамъ,
Въ нихъ голосу умолкшему внимаетъ,
Въ нихъ воскресить умершую мечтаетъ.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣлый,
Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь?

Съ ея лица привѣтное слетѣло;
Въ ея глазахъ узнанья не найдешь;
И въ руку ей рукой оцѣпенѣлой
Отвѣтнаго движенья не вожмешь.
На голосъ чадъ зовущихъ недвижима....
О вѣрь, отецъ, она невозвратима.

Запри навѣкъ ту мирную обитель,
Гдѣ спутникъ твой тебѣ минуту жилъ;
Твоей души свидѣтель и хранитель,
Съ кѣмъ жизни долгъ не столько бременилъ,
Совѣтникъ думъ, прекраснаго дѣлитель,
Слабѣющихъ очарователь силъ —
Съ полупути ушелъ онъ отъ земнаго,
Отъ бытія прелестно-молодаго.

И вотъ сія минутная Царица,
Какою смерть ее намъ отдала:
Отторгнута отъ скипетра десница;
Развѣнчано величіе чела;
На страшный гробъ упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
Въ минуту все, что было такъ прекрасно,
Что всѣхъ влекло и такъ влекло напрасно.

Супругъ, зовутъ! иди на разставанье!
Сорвавъ съ чела супружескій вѣнецъ,

Въ послѣднее земное провожанье
Веди сиротъ за матерью, вдовецъ;
Послѣднее отдайте ей лобзанье;
И тамъ, гдѣ всѣмъ свиданіямъ конецъ,
Невнемлющей прости свое скажите,
И въ землю съ ней всѣ блага положите.

Прости жъ, нашъ цвѣтъ, столь пышно восходившій;
Едва зарю успѣлъ ты перецвѣсть;
Ты, Жизнь, прости, красавецъ недожившій;
Какъ радости обманчивая вѣсть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не давъ и дня надеждѣ перечесть.
Простите вы, благія начинанья,
Вы славныхъ дѣлъ напрасны упованья....

Но мы..... смотря, какъ наше счастье тлѣнно,
Мы жизнь свою дерзнемъ ли презирать?
О нѣтъ, главу подставивши смиренно,
Чтобъ ношу бѣдъ отъ Промысла принять,
Себя отдавъ рукѣ неоткровенной,
Не мни Творца, страдалецъ, вопрошать;
Слѣпцемъ иди къ концу стези ужасной....
Въ послѣдній часъ слѣпцу все будетъ ясно.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ;

Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ,
Намъ обруку на тайный жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами,
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости — не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный страданье;
Ему на часть Судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ;
Земная жизнь — страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!
Когда, простясь свободно съ упованьемъ,
Въ величіи покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
Тогда.... тогда съ сей свѣтлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятнаго ей Бога.

О матери печаль непостижима,
Смиряются всѣ мысли предъ тобой!

Какъ милое сокровище таима,
Какъ бытіе сліянная съ душой,
Она съ однимъ лишь небомъ раздѣлима....
Что ей сказать дерзнетъ языкъ земной?
Что міръ съ своимъ презрѣннымъ утѣшеньемъ
Передъ ея великимъ вдохновеньемъ?

Когда грустишь, о Матерь, одинока,
Скажи, Тебѣ не слышится ли гласъ,
Призывное несущій издалёка,
Изъ той страны, куда все манитъ насъ,
Гдѣ милое скрывается до срока,
Гдѣ возвратимъ отнятое на часъ?
Не сходитъ ли къ душѣ благовѣститель,
Земныхъ утратъ и неба изъяснитель?

И въ горнее уныніемъ влекома,
Не вѣрою ль душа Твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческаго дома
Лишь только входъ земная сторона?
Что милая небесная знакома,
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровеннымъ,
А бытіе великимъ и священнымъ?

Внемли жь: когда молчитъ во храмѣ пѣнье,
И Вышнихъ Силъ присутствіе сойдетъ;

Когда въ алтарь на жертвосовершенье
Сосудъ Любви сіяющій грядетъ;
И на Тебя съ дѣтьми благословенье
Торжественно мольба съ небесъ зоветъ;
Въ часъ таинства, когда союзомъ тѣснымъ
Соединенъ житейскій міръ съ небеснымъ—

Уже въ сей часъ не будетъ, какъ бывало,
Увядшая Твоя наречена;
Объ Ней навѣкъ земное замолчало;
Небесному Она передана;
Задернулось за Нею покрывало....
Въ божественномъ святилищѣ Она,
Незрима намъ, но, видя насъ оттолѣ,
Безмолвствуетъ при жертвенномъ престолѣ.

Святый символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
Опущена завѣса Провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
„Мужайтеся! душею не скорбите!
„Съ надеждою и съ вѣрой приступите!

ЧУВСТВА ПРЕДЪ ГРОБОМЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

въ ночи наканунѣ Ея погребенія.

И такъ Твой гробъ съ мольбой объемлю;
И такъ покинула Ты землю,
Небесно-чистая душа,
Какъ Божій Ангелъ соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще доселѣ не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужь нѣтъ....

*

Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святаго;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земнаго;
А Ты?.... О, каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ Тобою;
Съ Твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце ободрялось.
Въ которомъ таинство являлось
Святаго Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной....
И вдругъ ко гробу Твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою ль мы Тебя видали?...
Сей погребальный ѳиміамъ;
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ;
Сія возвышенная рака,

Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробоваго трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ....
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія....
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ Ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:
Не возмущайтеся душой! (1)
О, это Ты; сей голосъ Твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія Царицы
Землѣ навѣки отдадутъ.
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безъимянный знакъ.
Въ земной, таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія....
Но жизнь прекрасная Твоя,
Символъ прекрасный Провидѣнья,

(1) Въ сію ночь было читано Евангеліе: *Да не смущается сердце ваше.*

Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительный прощанья часъ
Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ
Съ невыразимымъ умиленьемъ,
Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею Твоею....
О, я дерзаю передъ Нею
За всю отчизну говорить,
И въ голосъ мой соединить
Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянные моленье:
,,Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь Твою межъ нами!
За тронъ Твой, Царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ Твоимъ
Украшенный, превознесенный;
За образецъ, Тобой явленный
Божественныя чистоты;
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья Царской славы;
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
За чистые, душой Твоей
Полвѣка сохраненны правы,

За благодать, съ какою Ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ прiютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты....
Съ тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
Въ Тебѣ могилѣ уступая,
Въ минуту скорбную сiю,
Въ единый плачь слiясь сердцами,
Всѣ предъ Тобою говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: *благодаримъ!*

ВЕЧЕРЪ.

Ручей, віющійся по свѣтлому песку,
Коль тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!...
Приди, о Муза благодатна,

Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ съ цѣвницею златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей Природы.

Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ —
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны

И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
    Багрянымъ блескомъ озаренны;

Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ,
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами;
И, сѣти склавъ, рыбакъ на легкомъ челнокѣ
    Плыветъ у брега межъ кустами;

Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ;
И, плуги обративъ, по глыбистымъ браздамъ
    Съ полей оратаи съѣзжаютъ!...

Ужъ вечеръ.... облаковъ померкнули края;
Послѣдній лучь зари на башняхъ умираетъ;
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
    Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.

Все тихо; рощи спятъ; въ окрестности покой;
Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ рѣкой,
    Потокъ, кустами осѣненной.

Какъ слитъ съ прохладою растѣній ѳиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
    И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно надъ ручьемъ колышется тростникъ;
Гласъ пѣтела вдали уснувши будитъ селы;
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу стенанье Филомелы....

Но что?... Какой вдали мелькнулъ волшебный лучь?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламенились;
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчащій ключь;
Въ рѣкѣ дубравы отразились.

Луны ущербный ликъ возсталъ изъ-за холмовъ....
О тихое небесъ задумчивыхъ свѣтило,
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣсовъ!
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило!

Сижу задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ..
О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Уже ли никогда не зрѣть соединенья?
Уже ль изсякнули всѣхъ радостей струи?...
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья! гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и Музамъ и свободѣ?

Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя Природѣ,

Хранить съ огнемъ души нетлѣнность братскихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья?... Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душ ю,

Тащиться осужденъ до бездны гробовой?...
Одинъ — минутный цвѣтъ — почилъ, и непробудно,
И гробъ безвременный Любовь кропитъ слезой.
Другой.... о небо правосудно!...

А мы.... уже ль дерзнемъ другъ другу чужды быть?
Уже ль красавицъ взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь пріятнымъ въ свѣтѣ слыть
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье

О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ, и любви и Музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ во слѣдъ удьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ....

Мнѣ Рокъ судилъ брести невѣдомой стезёй,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы Природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!

Такъ, пѣть есть мой удѣлъ.... но долголь?...
Какъ узнать?...
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ПОСВЯЩЕНА АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ....
Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Сей башни, сѣтуетъ, внимаема луной,

На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ.
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье —
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тмѣ убогаго дѣламъ:

На всѣхъ ярится смерть — Царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная.... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперстники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, изтлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами —
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Уже ль смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ, можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,

Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмый, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —

Сего имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ;
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ;

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей.

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;

Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ
дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
„Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

„Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

„Не рѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечернію пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

„Прискорбный, сумрачный съ главою преклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить!

„Взошла заря — но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ нивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла — нигдѣ онъ не встрѣчался:
Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.

„На утро пѣніе мы слышимъ гробовое....
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приближься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить.“

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою —
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только могъ — слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ!

Прохожій, удались; во гробѣ сонъ священный.
Судьба почившихъ въ немъ покрыта грозной мглой.
Надежда робкая живитъ ихъ пепелъ тлѣнный....
Кто знаетъ, что насъ ждетъ за гробовой доской?

МОРЕ.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи;
Чтобъ ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь;
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу....
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но полное прошлой тревоги своей,

Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

ПОСЛАНІЯ.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ Тебѣ зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для Тебя вселенная сплетаетъ?...
О Русскій Царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра—
И, радости полна, сама играетъ лира!

Кто славныхъ дѣлъ Твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
До коей Ты достигъ по тернамъ испытанья!...
Когда, исполнены любви и упованья,

Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть Царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу,
И юны рамена склонялъ подъ багряницу —
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль Твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука Твоя брала,
Что мыслилъ Ты, вблизи послышавъ клики славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Низпровергала, врагъ земныхъ народовъ, Брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Уже ль при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ Ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ!
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ Себѣ весь свой народъ Ты въ руку Провидѣнья
Съ спокойной на Него надеждой положилъ —
И Соприсутственный Тебя благословилъ!
Когдажъ священный храмъ при громахъ растворился —
О сколь плѣнителенъ Ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицемъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцемъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ Твоей державѣ
Тогда весь Твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души Твоей горѣлъ,

Съ которымъ Ты за насъ передъ алтарь явился —
О Царь! благодаримъ! обѣтъ сей совершился!...

И Призванный Тобой Тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ
Онъ свѣтозарную печать благотворенья!
Низносылаемый Имъ Ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена —
И, обновленныя, пышнѣе разцвѣтаютъ!
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ!
Давно ль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обвѣтшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Царя сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ, хладны,
Лишь къ наслажденіемъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ Царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами....
И первый Лилій тронъ у Галловъ надъ главами
Вспылалъ, разверзнувшись какъ гибельны й волканъ!
Съ его дымящихся развалинъ, великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани,

И взорами на міръ ужасно засверкалъ —
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ!
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ!
И Промыслъ, утаясь, послалъ къ нему свой Страхъ!
Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ!
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ!
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: „мой престолъ престоломъ будь вселенны!
Порфиры всѣхъ Царей земныхъ я раздеру!
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу!
Народовъ бѣдствія ступени мнѣ ко счастью!
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ!
Исчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть соорудила —
Безсмертною моя останется могила!“
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани —
И стала Галлія сокровищницей брани!
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило!

Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И мздой свою постель страданье выкупало!
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,
Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцовъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ —
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ!
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой,
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой!...
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла!
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И, хитростью подрытъ, измѣной потрясёнъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою.
Отъ Рейнскихъ твердынь до Немана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила!
Все смолкло!... мрачная, съ кровавымъ взоромъ, Сила
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ Царей!
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,

И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ правы,
Погибло все — окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы!
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,
Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала,
И взоры на востокъ съ надеждой обращала!...
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ —
О Царь нашъ! Твой народъ! — могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ Царю и въ славѣ тишиной.
Какъ юноша - атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы....
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крилы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ....
И злобой на него губитель закипѣлъ!
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага неоскверненныхъ,
Ужь въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной....
О Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой Ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,

Когда, въ молчаніи народномъ, Царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ Царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
И грозно въ бой пошла съ Нашліемъ Свобода!
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцевъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ!
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки, и грозныя твердыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой —
И Старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой Судьбой!...
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!...
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ твоимъ стѣнамъ!
О радость!... онъ вступилъ!... зажгись, костеръ свободы!
Пылаетъ!... цѣпи въ прахъ! воскресните, народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила!
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, Кара

Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И Гладъ, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей....
Тогда помчались вспять! и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ Рускими полками!
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ!...
Сколь намъ величественъ Ты, Царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на Свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ вслѣдъ
врагамъ.
О незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою!
Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами....
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ Царь, тогда въ душѣ Своей?
Передъ Тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, разстерзанный, еще взывать не смѣя;
И Человѣчество, изъ подъ стопы злодѣя
Къ Тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія Царей, Потомство впереди

Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
„Дерзай! и нареку Тебя: Благословенный.“
И въ грозный между тѣмъ полки слiянны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На Твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А Ты?... Ты отъ Небесъ молилъ благословенья....
И Ангелъ ихъ, гремя, на щитъ Твой низлетѣлъ,
И гибелью врагамъ Твой щитъ запламѣнелъ,
И руку Ты простеръ.... и двинулися рати. —
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье Тебѣ народы потекли,
И вайями Твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады;
Къ Тебѣ желанiя, къ Тебѣ сердца и взгляды;
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго тебя впреди Твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногiй воинъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный гробъ отцовъ.“
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И Ты средь плесковъ сихъ — не гордый побѣдитель,
Но воли Промысла смиренный совершитель —
Шелъ тихiй, благостью великость украшалъ,
Блескъ утѣшительный окрестъ Тебѣ сiялъ,
И ликъ Твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды.
И вождь нашъ смертiю окованныя вѣжды

Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который Ты вступалъ, уже не съ нимъ, взглянуть.
И угасая дать Царю благословенье.
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать Тебѣ вручалъ,
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди Царя и друга руку —
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ:
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь — увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ. —
Нашъ Царь, узнавъ Тебя, на смерть онъ не роптал;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя,
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
Смягчившаго слезой его съ концемъ борьбу —
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу....
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы—
Какъ всколебалися Тевтоновъ племена!
Къ нимъ Германъ съ норда несъ свободы знамена —
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы.
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,
И всѣхъ Царей рука, нашъ Царь, въ рукѣ Твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О славный Кульмскій бой! о доблесть Славянина!

Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ—
Все опрокинуто, и Руской устоялъ....
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужь приближаются къ святилищу Судьбины;
Ужь видятъ тотъ рубежь, ту цѣль, къ которой вёлъ
Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бремени рукою;
Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:
Не быть, иль быть Царямъ; возстать, иль пасть вселенной....
И все въ собраніи.... о часъ, вѣкамъ священной!...
Народы всѣхъ племенъ, и всѣхъ племенъ Цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами,
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склонёнъ,
Союза мстителей младый Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя Царей главою....
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ....
И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель....
И загорѣлся день.... Богъ грянулъ.... палъ губитель!
Бѣгутъ—во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечь, и щитъ;

*

Впреди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ Страхъ бѣжитъ,
И жадною рукой Погибель ихъ хватаетъ;
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой;
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Реинъ восплескалъ, послышавъ ликованья.
О старецъ водъ! о ты, съ минуты мірозданья
Не зрѣвшій на брегу еще лица Славянъ —
Ликуй, и отражай въ волнахъ Славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды;
И Реинъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
И быстро ворвались полки въ тотъ страшный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ Царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна.
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя знамена —
Лишь гибели молву онъ съ ними водрузилъ;
Громъ Рускій берега Секваны огласилъ —
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!...
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
О Руская земля! спасителемъ грядетъ
Твой Царь къ низринувшимъ Царей твоихъ столицу;
Онъ разпростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ—и тишина во слѣдъ имъ прилетаетъ....
Хвала! хвала, нашъ Царь! стыдливо отклоняетъ

Рука Твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ;
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О незабвенный день! смотрите — побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ Царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцевъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ:
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную Свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило —
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь Царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.
Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!... подъемлется спасенія сосудъ....
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даётъ....
Свершилось!... освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцевъ грядетъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,

И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!...
Свершилось.... Рускій Царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И дали свой отвѣтъ потомки современнымъ!...
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ Тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, Ты въ путь летишь желанной —
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ Ты скорбѣлъ —
И Ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе Твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ.... вездѣ, вездѣ свобода,
Вездѣ обиліе, надежда и покой....
И все сіе, нашъ Царь, дано землѣ Тобой.
Но что жь Ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый
Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху Твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святаго Петрограда
Вдали передъ Тобой возникнула громада;
Когда предъ Матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,

Гдѣ освященный мечь пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ Твой, герой спасенья спитъ?...
Россія, Онъ грядетъ; уже алтарь горитъ;
Уже Его принять отверзлись двери храма;
Ужь благодарное куренье ѳиміама
Съ сердцами за Него взлетѣло къ небесамъ!
И се!... приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!...
О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена....

Отважною вступить дерзаю, Царь, мечтою
Въ чертогъ священный Твой, гдѣ Ты одинъ съ Собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ Цари и Провидѣнье.
О Царь! въ сей важный часъ — когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ Тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ твой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ ПЕТРЪ, Царей земныхъ учитель —
Я зрю Тебя, племенъ несмѣтныхъ Повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все Твое, гдѣ Ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ Ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,

Уполномоченный отъ неба судія —
О сколь божественна въ сей часъ душа Твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной—
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ Ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ,
Отечество, внимай: „Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный —
За власть благотворить, удѣлъ Царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и Царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое.
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть Царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ,
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!„...

Внемли жь и Ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время Твой великолѣпный тронъ —
Хвалой невѣрною тронъ Царскій окружёнъ —
Сокрой Свой Царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья,
Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ;
На праздникахъ семей, украшенный Твой ликъ —
Ликующихъ родныхъ родный благотворитель —
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ Тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ Твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ разцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленной свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ Тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не льстецъ,
Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось во одно святое слово: Царь.

И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и Нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ Твой отдаетъ!
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья....
Пусть облечетъ во власть святый обрядъ вѣнчанья;
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за Царя на жертву жизнь принесть —
Отъ подданныхъ Царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О Царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь Твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа.
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на Твой народъ, простертый предъ Тобою;
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцемъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію Царя, на все, на все готовой —
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ Твой приноситъ Царскій тронъ.
Предстатель за Царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, Царь, имъ будешь счастливъ Ты.

Поставившій Тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Уже ль на краткій мигъ Онъ намъ Тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ Тебѣ всѣ блага, намъ священны —
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный.
Прими жь, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость Царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ Ты міру
Столь древле славную отцевъ Твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу Твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая Твой престолъ, Благословенной,
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ Твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за Царя.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Мой слабый даръ Царица ободряетъ;
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца....
Могу ль желать славнѣйшія награды?
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель несъ,
И Рускіе воспламенились грады:
Я съ трепетомъ зрѣлъ Ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ открывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я старца зрѣлъ, избраннаго Царемъ;
Я зрѣлъ Славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечь, и въ каждомъ взорѣ мщенье —

И геніемъ мнѣ было восхищенье,
И я предрекъ губителю паденье,
И все сбылось — губитель гордый палъ....
Но ахъ! почто мнѣ жребій низпослалъ
Столь бѣдный даръ?... Внимаемый Царицей,
Отважно бъ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ месть и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ вслѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ;
Какъ подъ его обширными крилами
Спасенные народы отъ оковъ
Съ возникшими изъ низости Царями
Воздвигнули свободы знамена.
Или, забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны:
Ахъ! сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для Поэта?
Царица, Мать, Супруга, дщерь Царей,
Краса Царицъ, веселіе полсвѣта....
О! кто найдетъ языкъ, приличный Ей?
Почто лишенъ я силы вдохновенья?
Тогда бъ дерзнулъ я лирою моей
Тебя воспѣть въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ Царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ Тобою;

Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ — онѣ ласкаютъ мать;
Объ Ней ихъ мысль, объ Ней ихъ разговоры,
Объ Ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
Одну Ее съ небеснымъ Божествомъ
При алтарѣ поютъ ихъ сладки хоры.
Или, мечтой стремясь Тебѣ во слѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спасенья,
Туда, гдѣ Ты, какъ Ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья?
Какъ Божество невидимое, Ты
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила —
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образѣ небесныя Надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала;
Едва на міръ открыли слабы вѣжды,
Ужь съ Творческимъ сліянный образъ Твой
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за Тобой.
И въ бурю бѣдъ Ты мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ —
На ихъ главы Ты свой простерла щитъ,

И задрожалъ свирѣпый истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей;
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ Твоихъ обитель.
И днесь — когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ притѣснитель —
О сколь предъметъ высокій для пѣвца!
Владыки мать въ величествѣ Царицы
И съ ней народъ, молящіе Творца:
Да подъ щитомъ всесильныя десницы
Дастъ миръ землѣ полсвѣта властелинъ.
Такъ, къ небесамъ дойдутъ Твои молитвы!
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду битвы,
Защитникъ царствъ, любовь Царей, Твой Сынъ,
Съ вѣнчанными побѣдою полками.
О славный день! о радостный возвратъ!
Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій Спасителя громами;
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ орлами,
Плѣняющій величествомъ, красой,
И близь Него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя Славянскія дружины.
И Ты спѣшишь съ Супругою младой,
Въ кругу Дѣтей, во срѣтенье желаннымъ....
Блаженный часъ; въ виду героевъ бранныхъ,

Прославленной склоняется главой
Владыка-Сынъ предъ Матерью-Царицей,
Да славу ихъ любовь благословитъ —
И вкупѣ съ Нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ Твоей священною десницей.

ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

НА РОЖДЕНІЕ

В. К. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ, и что пѣвца искуство?...
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью,
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей,
И прелесть устъ, открывшихся дыханью....
О! какъ дерзну я мыслію моей
Приближиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья;
Его смѣнилъ небесный гость Покой,
И тишина исполненной надежды;

И первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ Ангелъ, спитъ Твой сынъ передъ Тобой....
О Матерь, кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено,
И темное къ безвѣстному стремленье,
И ясное для сердца Провидѣнье,
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала —
То все теперь безъ словъ Тебѣ сказала
Священная младенца колыбель....
Забуду ль мигъ, навѣки незабвенный?...
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный Твой часъ —
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ;
О! какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ Благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Восходящая какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,

Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо Рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной....
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ.
И съ вѣрою, что близко Провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ Матери священное мученье
Свершалося, какъ жертва въ оный часъ....
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,
Сей часъ, когда два Ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны,
Еще стоятъ въ невѣденьи, безгласны,
И робко ждутъ, что скажетъ Судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь иль смерть велитъ благовѣстить?...
О! что въ сей часъ подъ тѣмъ сбывалось кровомъ,
Гдѣ мигъ одинъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ Промысла намѣренье тайно,
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
„Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно.“
И вѣрила безтрепетно душа.

*

Межъ тѣмъ, востокъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стоялъ....
Казалось, все съ надеждой ожидало.
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало.
Сія рѣка, свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной;
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней, какъ дымъ, влетали предо мной;
Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликалъ полки Донской;
Пожарскій мчалъ, сквозь ужасы и пламя,
Свободу въ Кремль по трупамъ Поляковъ;
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы;
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
Чудесный Петръ въ столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцова съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина.
И дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.

Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?... Во прахѣ домъ Царей;
Безславіе разбитыхъ алтарей;
Святилища, лишенныя святыни;
И вся Москва, какъ гробъ средп пустыни.
И что жъ теперь?.... Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлёмъ,
Зажженною любуяся Москвою —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремлѣ семья Царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ.
О! какъ у всѣхъ душа взликовала,
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О! сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, Младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младый Отецъ предъ Матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ Твоей невинностью смиренной
Безмолвная Праматерь слезы льетъ:
Уже Москва *своимъ* Тебя зоветъ;....
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный

Сбылось съ Твоей, младая Мать, душой?
О! для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи;
Чистѣйшія зажглись въ ней упованья;
Не для Тебя теперь Твои желанья,
Не о Тебѣ днесь радости Твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ Твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, Его прекрасенъ сонъ,
И жизни вѣсть къ Нему не достигала....
Но ужь Судьба свой судъ объ немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тмѣ земной для насъ не разрѣшитъ....
Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля!
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ Его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцевъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла —
Обманетъ ли сіе знаменованье?...
Прекрасное Россія упованье

Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдастъ.
Тебѣ Его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу съ бури свѣта
Пускай Тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы.....
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ.*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ* — *свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила Царей великихъ внуку.
Съ Тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ Матерью, какъ будто предъ Судьбой,
Безпечно Онъ играетъ въ колыбели,
И Радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять;

Житейское отъ ней еще далёко....
Храни ее, заботливая Мать;
Твоя любовь всевидящее око;
Въ Твоей любви святая благодать.

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

ПИСАНО ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ КРАСНЫМЪ.

О вождь Славянъ, дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ брящать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ Россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ....
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я сердцемъ Славянинъ;
Я зрѣлъ, какъ ты, впреди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами.
Со всѣхъ сторонъ дымились небеса;
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась....
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!

Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О старецъ-вождь, я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый летѣлъ;
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною.

Законъ судьбы для насъ неизъяснимъ.
Надменный сей не ею ль былъ хранимъ?
Вотще пески Ливійскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій чолнъ;
Ступилъ на брегъ — въ рукѣ его корона;
Ужь хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ;
Ужь онъ Царей-рабовъ своихъ созвалъ....
И возстаютъ могущіе Тевтоны,
Достойные Арминія сыны;
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны;
Богемецъ, Венгръ, Саксонъ ополчены;
И стали въ строй измѣнники Сарматы;
Имъ нѣтъ числа; дружины ихъ крылаты;
И нордъ и югъ потокъ сей наводнилъ;
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ — ужь все подъ ихъ стопою,
Ужь Россъ главу подъ низкій миръ склонилъ....
О замыслы! о неба судъ ужасной!

О хищный врагъ!... и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!
Здѣсь грозная Судьба его ждала;
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ.
Хвала, нашъ вождь! едва дружины двинулъ —
Ужь хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ;
Ихъ гонитъ страхъ; за ними мчится гладъ;
И щитъ и мечь бросаютъ съ знаменами;
Вездѣ пути покрыты ихъ костями;
Ихъ волны жрутъ; ихъ губитъ огнь и хладъ;
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью....
Не узрятъ ихъ отчески поля,
Обречены въ добычу истребленью,
И будетъ гробъ имъ Руская земля.
И скрылася, нашъ старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ.
Посолъ Судьбы явился ты полкамъ —
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ.
Лети, неси за ними смерть и страхъ;
Еще ударъ — и всей землѣ свобода,
И нѣтъ слѣдовъ *великаго* народа!
О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ Оттоманъ —
А ты ужь здѣсь; ужь родины спаситель;

Уже погналъ, какъ геній-истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды;
И рядъ побѣдъ — полковъ твоихъ слѣды;
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы:
Ты жизнь ему побѣдами даришь....
Когда жъ, свершивъ погибельное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье!...
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ:
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани;
Во срѣтенье текутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ; къ тебѣ подъемлютъ длани;
„Се онъ! се онъ! сей грозный вождь; нашъ щитъ;
Сколь величавъ, грядущій предъ полками!
Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
Да каждый храмъ мольбой о немъ гремитъ!
Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!“
Когда жъ, сложивъ съ главы своей шеломъ,
И мечь съ бедра, ты возвратишься въ домъ,
Да вкусишь тамъ покоя наслажденье
Предъ славными трофеями побѣдъ —
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,

И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана имъ тишина.
И старецъ, въ гробъ ступившій ужъ ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Речетъ сынамъ: мнѣ имъ сбережена
Въ странѣ отцевъ спокойная могила.
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
Его рука мнѣ милыхъ сохранила.
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ алтаремъ, въ обители Царей,
Вездѣ, о вождь, тебѣ благословенье;
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье.

КЪ ВОЕЙКОВУ.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата;
Поставь въ мой уголъ посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго Пената.
Садись—вотъ кубокъ! въ честь друзьямъ!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившихъ небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,

Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И, хлѣбъ водою запивая,
„Хвала, умѣренность златая!“
Съ пѣвцомъ Тибурскимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ Ордынцовъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель;
Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Батыя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство Христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу наслажденій.
Тамъ вѣчно *тоже и одно*;
Всему свой часъ: труду, бездѣлью;
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, видя счастіе въ покоѣ,
Ты всѣ восторги отдавалъ

За нестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Хранимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы
Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ, вшедши въ Божій храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ Божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья....
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ чудо Искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ?...
Все тихо.... полночь.... нѣтъ движенья....
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ-благовѣститель
Провозгласитъ: воскресъ Спаситель!...
И вдругъ.... во мглѣ.... средь тишины,
Какъ будто съ горней вышины
Съ трубою Ангелъ-пробудитель,
Низходитъ гласъ.... алтарь горитъ,
И братья пали на колѣни,
И гимнъ торжественный гремитъ,
И се, идутъ въ усопшихъ сѣни,

О сердце трогающій видъ!
Въ тѣни тополей, липъ вѣтвистыхъ,
Густыхъ березъ и шелковицъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,
Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ —
И Вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила....
Идутъ къ возлюбленныхъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все — отверстый, свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнится, тайна Искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный поющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье,
(Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ),
И тихое гробовъ молчанье,
И соприсутственныхъ небесъ
Незримое съ землей сліянье —
Все живо, полно Божества
И вѣрныхъ братій торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: *Воскресъ Спаситель!*

Сердцамъ; *воистину* гласитъ,
И самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель!——
И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль Черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И въ далекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ всё блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,

И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ—среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ—
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камукинецъ,
И Карбулакъ, и Абазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ;
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь-соратникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги:
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или, по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ;
Скалы свободы ихъ пріютъ;
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни:
Тамъ жизнь ихъ—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣткія пищали,

Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы. — —
Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
Необозримые луга,
Одушевлены табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами
Онъ, зеленѣя, протекалъ,
И ясной влагой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды стѣснившихся струговъ,
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ,
Спокойствіе станицъ счастливыхъ,
Вождей и коней ихъ ретивыхъ;
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу Вихря-Атамана
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою.

Теперь ты случая рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнишь призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы—гости молодые
У милой Жизни на пиру —
Изъ полной чаши радость пили,
И *счастье наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что намъ здѣсь суждено....
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ;
Одинъ уходимъ за другимъ;
Другъ, оглянись.... еще нѣтъ брата.
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами.

Но такъ и быть!... здѣсь твой Поэтъ
Съ смиренной Музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою

Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко-краса
Владиміръ Князь съ богатырями;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами;
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ;
И басурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ, дивной облеченъ броней,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою,
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:

„О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей.“
Краса-дѣвица поетъ, плачетъ;
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель;
Возглавье щитъ; ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-ягой;
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражей змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня;
Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
И вотъ внезапно занесёнъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасной;
Сіяетъ блескъ вдали прекрасной;
Чѣмъ ближе онъ—тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;

То слышится Русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдаго пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ волшебный Царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя ковшицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ,
И пѣснь привѣтствія поютъ;
И онъ...,. Но что? куда мечтами
Я залетѣлъ тебѣ вослѣдъ —
Ты чародѣй, а не Поэтъ;
Ты всемогущими струнами
Мой падшій геній оживилъ....
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предрѣчь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?
Признаться ли?... смотрю съ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы,
И мнится, перстомъ невидимымъ
Свои невидимы черты
На нихъ Судьба ужь написала.
Чтобъ ни было.... сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала!
Она твоя!... молись Судьбѣ,

Чтобъ въ ней наполнились страницы.
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной:
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый *здѣсь*, въ *тотъ* міръ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный Ангелъ вдохновенья....
Но, другъ, быть можетъ.... какъ узнать?...
Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебѣ должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья;
Прими её.... и пожалѣй.

КЪ БЛУДОВУ.

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю;
Отринь покой, лети
За Рускими орлами;
Но въ полѣ, подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель-ангелъ твой....
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной,

Гдѣ, съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она одна вздыхаетъ,
И Промыслъ умоляетъ:
Да будетъ твой покровъ
Въ обители враговъ.
Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый свѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,
Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишетъ;
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Души ея печаль.
Лети въ безвѣстну даль;
Твой геній надъ тобою;
Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя пріосѣнитъ —
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ! скоро ль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?...

Для скорби утоленья,
Податель благъ, Зевесъ
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.
„Да будутъ, рекъ, они,
Одинъ—посолъ разлуки,
Свиданія—другой!“
И въ часъ сердечной муки,
Когда, рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги,
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ
Послѣднее прощанье
Другъ другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,
И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, осиротѣлы,
Въ свой теремъ опустѣлый:
Сынъ Дія Абеонъ,
Задумчивый, безкрылой,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ,
Спускается съ небесъ,

Ведомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце упованье
На близкое свиданье.
Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою;
Съ надеждою другой.
Прости, мой другъ прелестной!
На долго ль? неизвѣстно.
Но вѣрую душой:
(И вѣра не обманетъ)
Желанный день настанетъ —
Мы свидимся съ тобой.

Или.... увы! незримо
Грядущее для насъ!...
Быть можетъ—въ оный часъ,
Когда ты, невредимо
Свершивъ опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь въ странѣ родимой
Съ Людмилою своей —
Ты спросишь у друзей:
„Гдѣ скрылся другъ любимой?"
И что жь тебѣ въ отвѣтъ?

Его ужъ въ мірѣ нѣтъ....
Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возметъ могила,
И участь присудила,
Чтобъ первый я исчезъ
Изъ милаго мнѣ круга —
Друзья! безъ скорбныхъ слезъ
На прахъ взирайте друга.
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извивистый ручей,
Гдѣ сѣнистые клены
Сплетаютъ изъ вѣтвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ:
Туда—лишь надъ холмомъ
Луна сквозь облакъ дымный
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
Въ мое воспоминанье.
Надъ вами буду я,
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать, рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ.

Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ
Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами;
Увидите сердцами
Въ незнаемой дали
Отечество желанно,
Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ

И

ПУШКИНУ.

Друзья, тотъ стихотворецъ-горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ *весь Свѣтъ*,
Не тоже ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который *всѣмъ* дается свѣтомъ;
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ.
Почто на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу ль повѣрить, чтобъ страдать

Пѣвецъ, отъ Музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,
Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?
Нѣтъ! жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ, счастливъ, кто Поэтъ;
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ ногамъ холодныхъ повергать,
И на колѣнахъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ,
Сѣдя съ возвышенной главою,
Молчитъ—лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ;
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ —
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья; презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,

А взоры устремимъ къ востоку.
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путёмъ
Идетъ—и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой;
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
Нѣтъ! въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои.
Такъ и поэтъ, друзья мои;
Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель.
Здѣсь славы чистой не найдемъ—
На что жъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства....
Увы! Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть Дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
Въ нихъ Зависть тернія вплела;
И торжествуетъ: растерзали
Ихъ иглы славное чело—

Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала —
Пѣвцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!...
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала—гулъ шумный и невнятный;
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный;
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для Музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей;
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,

И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ.
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ Свѣтъ —
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда
Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ.... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?
И тотъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, неразженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія.
Спросите: для одной ли славы
Отъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прешли державы,

И чадамъ подвиги отцовъ
На прахѣ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда;
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Завистниковъ несправедливыхъ.
И имъ не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье;
Ихъ злоба—имъ однимъ страданье.
Но пусть и очаруютъ свѣтъ —
Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ; ихъ зданья ломки;
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

КЪ КНЯГИНѢ

А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ.

И такъ еще намъ суждено
Дорогой жизни повстрѣчаться,
И съ *милымъ прошлымъ* заодно
Въ воспоминаньи повидаться.
Неволею, внимая вамъ,
Къ давно утраченнымъ годамъ
Я улеталъ воображеньемъ;
Душа была пробуждена —
И ей нежданымъ привидѣньемъ
Минувшей жизни старина
Въ красѣ минувшей показалась.

И вамъ и мнѣ—въ тѣ времена,
Когда лишь только разгоралась
Денница младости для насъ —
Одна прекрасная на часъ
Веселымъ гостемъ появлялась;
Ея живая красота,
Плѣнительная, какъ мечта
Души, согрѣтой упованьемъ,
Въ моей душѣ съ воспоминаньемъ
Всего любимаго слита;
Какъ сонъ воздушный мнѣ предстала
На утрѣ дней моихъ она,
И вмѣстѣ съ утромъ дней пропала
Воздушной прелестію сна.
Но отъ всего что послѣ было,
Что̀ невозвратно истребило
Стремленье невозвратныхъ лѣтъ,
Ее, какъ лучшій жизни цвѣтъ,
Воспоминанье отдѣлило....
Идя назначеннымъ путёмъ,
Съ утѣхой тайной видитъ странникъ,
Какъ звѣздочка, зари посланникъ,
Играетъ въ небѣ голубомъ,
Пророчествуя день желанный;
Каковъ бы ни былъ день потомъ,
Холодный, бурный иль туманный —
Но онъ о звѣздочкѣ своей

Съ любовью вспомнитъ и въ ненастье.
Нашлось иль нѣтъ земное счастье —
Но *милое минувшихъ дней*
(На ясномъ утрѣ упованья
Насъ веселившая звѣзда)
Милѣйшимъ будетъ завсегда
Сокровищемъ воспоминанья.

КЪ КНЯЗЮ

ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона:
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой....
Правдоподобно хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?... Нынче вѣкъ иной.
И въ наши бѣдственныя лѣты
Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,

Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Подлѣ пустаго комелька.
О Амфіонъ, благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,
Что даръ твой: говорить стѣнамъ,
Въ наслѣдство не достался намъ.
Славнѣе говорить сердцамъ,
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень,
И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону;
Склонись къ знакомой лирѣ звону;
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ — струны,
А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
И пышные дары фортуны.
Послушай повѣсти моей:
(Здѣсь истина безъ украшенья)
Былъ пастырь образецъ смиренья;
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святаго алтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ

Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель;
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель.
Невидимую добродѣтель
Его лишь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узнавалъ по облегченью
Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды —
И нѣтъ въ излишнемъ знаньи нужды;—
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ носилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подавать.
Не зналъ онъ гордаго искуства:
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты:
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,
И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,

Когда лишь смерти слышанъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говоритъ душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являтъ предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,
Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Разтроганныхъ его мольбою!...
Мой милой другъ, его ужь нѣтъ;
Судьба незапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги;
Вдовы жь наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачь семьи осиротѣлой....
Скажи, вотще ль ихъ жалкій стонъ?
О нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ;
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ

Сиротъ оставленныхъ спасенье.
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ;
Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ Провидѣнье.

КЪ НИНѢ.

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Уже ли съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?
Душа, отлетая въ незнаемый край,
Уже ли во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?
Уже ли въ минуту боренья съ кончиной —
Когда ужъ не буду горящей рукой
Въ слезахъ упоенья къ трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный—примѣта любви,
И тайныя страсти во взорахъ сіянье,
И тихіе вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣсненье —

Уже ли, о Нина, всѣмъ чувствамъ конецъ?
Ужели ни тѣни земнаго блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возмемъ?
Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону Любви?
И то, что питало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Уже ли то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь;
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать;
Я съ завистью буду—какъ бѣдный затворникъ
Во мракѣ темницы о нѣжной семьѣ,
О прежнихъ весельяхъ родительской сѣни,
Прискорбный, тоскуетъ, на цѣпи склонясь —
Смотрѣть, унывая, на милую землю.
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О! первыя встрѣчи небесная сладость —
Какъ тайныя, сердца созданья, мечты,
Въ единый сліявшись плѣнительный образъ,
Являются смутной весельемъ душѣ —
Унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ—души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки,
Уже ль невозвратно васъ съ жизнью терять?

Уже ли, приближась къ безмолвному гробу,
Гдѣ хладный, навѣки безчувственный прахъ
Горѣвшаго прежде любовію сердца,
Мы будемъ напрасно и скорбью очей,
И прежде всесильнымъ любви призываньемъ
Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживлять?
Уже ль изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Уже ль пережившій одинъ сохранитъ
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился,
А прежній сопутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
Исчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ
Съ лучемъ озлатившимъ его, исчезаетъ,
Развѣянный легкимъ зефира крыломъ?...
О Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ —
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья.
О Нина, быть можетъ, торжественный часъ,
Посланникъ разлуки, уже надо мною;
Ахъ! скоро, быть можетъ, погаснетъ мой взоръ,
Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ блистаньемъ,
Съ послѣднею лаской утихнетъ мой гласъ,
И сердце забудетъ свой сладостный трепетъ —
Не сѣтуй, и вѣрой себя услаждай,
Что чувства нетлѣнны, что духъ мой съ тобою;

О сладость! о смертный, блаженнѣйшій часъ!
Съ тобою, о Инна, тѣснѣйшимъ союзомъ
Онъ страстную душу мою сопряжетъ.
Спокойся, другъ милой, и въ самой разлукѣ
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной надежды,
Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,
Въ прискорбную буду вливать утѣшенье;
Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
Отраду въ обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутникъ, я буду съ тобой
Дѣлиться священнымъ добра наслажденьемъ;
И въ тихій, священный моленія часъ,
Когда на колѣнахъ, съ блистающимъ взоромъ,
Ты будешь свой пламень къ Творцу возсылать,
Быть можетъ, тоскуя о другѣ погибшемъ,
Я буду молитвы невинной души
Носить въ умиленьи къ небесному трону.
О другъ незабвенный, тебя окруживъ
Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ движеньямъ
Души твоей буду въ весельи внимать
Когда ты—плѣнившись потока журчаньемъ,
Иль блескомъ послѣднимъ угаснаго дня,
(Какъ холмы объемлетъ задумчивый сумракъ,
И, съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ, въ душѣ

О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ)
Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
Иль вѣющимъ съ луга душистымъ зефиромъ,
Несущимъ свирѣли далекія звукъ,
Иль стройнымъ бряцаньемъ полунощной арфы —
Нѣжнѣйшую томность въ душѣ ощутишь,
Исполнишься тихимъ, унылымъ мечтаньемъ,
И, въ міръ сокровенный душею стремясь,
Присутствіе Бога, безсмертья награду,
И съ милымъ свиданье въ безвѣстной странѣ
Яснѣе постигнешь, съ живѣйшею вѣрой,
Съ живѣйшей надеждой отъ сердца вздохнешь....
Знай Нина, что друга ты голосъ внимаешь,
Что онъ и въ весельѣ и тихой тоскѣ
Съ твоею душею сливается тайно.
Мой другъ, не страшися минуты конца:
Посланникомъ мира, съ лучемъ утѣшенья
Ко смертной постелѣ приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой;
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій.

КЪ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, далекій другъ? Когда прервемъ разлуку?
Когда прострешь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ встрѣтить твой душѣ понятный взглядъ,
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священной?...
Гдѣ вы, дни радостей? Придешь ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселіе навѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ протекшимъ протекло?...
Какъ часто о часахъ минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,
Конецъ всему — души покой,
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой....
Ахъ! время, Филалетъ, свершиться ожиданьямъ.

*

Не знаю.... но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
Зоветъ меня.... зоветъ!... куда зоветъ?... не знаю.
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачитъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима —
Повсюду вѣстники могилы предо мной.
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ —
Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру ль преклонясь, гармоніи внимаю —
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.
Иль предвѣщаніе въ уныніи моёмъ?
Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни годы,
Сокрывшись въ мракѣ гробовомъ,
Покинуть и поля и отческія воды,
И міръ, гдѣ жизнь моя безплодно разцвѣла?...
Скажу ль?... Мнѣ ужасовъ могила не являетъ;
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,

Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.
Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Щитаю ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
И что же!... предо мной увядшаго могила;
Душа не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Иссякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ протекшимъ лишь прелестно.
Мой другъ, о нѣжный другъ, когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна,
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна,
Почто жь, увы! почто судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну?
Почто (дерзну ль спросить?) отъялъ у насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ—о сладкій сонъ!—той счастье искупить,

Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!...
Когда бъ стократными и скорбью и мученьемъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ:
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ,
И дня какъ дара ждалъ, къ страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я бъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы могилы.
О незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
„Все въ жертву за нее! вся жизнь моя предъ вами!“
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ! если бъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать —
Кто бъ небо оскорбилъ безуміемъ роптанья!

КЪ БАТЮШКОВУ.

Сынъ нѣги и веселья,
По Музѣ мнѣ родной,
Пріятность новоселья
Лѣчу вкусить съ тобой;
Отдамъ поклонъ Пенату,
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Увей же скромну хату
Вѣнками изъ цвѣтовъ;
Узорнымъ покрываломъ
Свой шаткій столъ одѣнь,
Вооружись фіаломъ,
Шампанскаго напѣнь,
И стукнемъ въ чашу чашей,

И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной Музѣ нашей
Дань перваго вина.
Вхожу въ твою обитель:
Здѣсь веселъ ты съ собой,
И лѣни другъ покой
Дверей твоихъ хранитель.
Все ясно вкругъ меня;
Закатъ румяный дня
Живѣе здѣсь играетъ
На зелени луговъ,
И чище отражаетъ
Здѣсь виды береговъ
Источникъ тихоструйный;
Здѣсь кротокъ вихорь буйный;
Пріятнѣй сѣнь листовъ
Зефиры здѣсь колышутъ,
И слаще нѣгой дышутъ;
Укромный домикъ твой
Не златомъ—чистотой
И свѣтлостью плѣняетъ;
Въ окно твое влетаетъ
Цвѣтовъ пріятный духъ;
Терасъ, предъ нимъ дерновый
Узорный полукругъ;
Тамъ ландыши перловы,
Тамъ розовы кусты,

Тюльпанъ, нарцисъ душистой,
И тубероза—чистой
Эмблема красоты,
Съ роскошнымъ анемономъ;
Едва примѣтнымъ склономъ
Твой сходитъ садъ къ рѣкѣ;
Шумитъ не вдалекѣ
Тамъ мельница смиренна:
Съ колесъ жемчужна пѣна
И брызговъ дымъ сѣдой;
Мелькаетъ надъ рѣкой
Веселая купальня,
И, гость изъ края дальня,
Уютный домикъ свой
Тамъ Швабскій гусь спѣсивой
На островѣ подъ ивой,
Межъ дикою крапивой
Безпечно заложилъ.

Такъ! здѣсь пріютъ Поэта:
Душа моя согрѣта
Вліяньемъ горнихъ силъ,
И вся ничтожность свѣта
Въ глазахъ моихъ, какъ сонъ....
Незримый Аполлонъ
Промчался надо мною;
Ликуй, мой другъ-Поэтъ.

Довольнѣе судьбою
Поэтовъ подъ луною
И не было и нѣтъ.
Ихъ жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить въ удѣлы свѣтъ
Преемникъ древній Крона
Задумалъ искони.
„Дѣлитесь!“ — съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроилися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ —
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиренный Земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельный плодъ,
Могущество Владѣлецъ;
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями;
Взялъ откупъ Арендарь,
А Пастырь душъ алтарь
И силу надъ умами.
„Будь каждый при своёмъ
(Рекъ Царь земли и ада);
Вы сѣйте, добры чада;
Мнѣ жертвуйте плодомъ.“
Но вотъ.... съ земли предѣла

Приходитъ и Поэтъ;
Увы! ему удѣла
Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ;
Къ Зевесу онъ съ мольбою;
Отецъ и властелинъ,
За что забытъ тобою
Любимѣйшій твой сынъ? —
„Не я виной забвенья.
Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
За чѣмъ ты уходилъ?“
— Увы! я былъ съ тобою
(Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ);
Величествомъ, красою
Небесъ твоихъ, отецъ,
Мои питались взоры;
Тамъ пѣли дивны хоры;
Я сердце возносилъ
Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ....
Но ахъ! плѣненъ небеснымъ,
Земное позабылъ. —
„Мой сынъ, удѣлы взяты;
Мнѣ жаль твоей утраты;
Но рай передъ тобой;
Согласенъ ли со мной
Дѣлиться небесами?
Блаженствуя съ богами,

Ты презришь міръ земной.“
Съ тѣхъ поръ—необожатель
Подсолнечныхъ суетъ —
Сталъ вѣрный обитатель
Страны духовъ Поэтъ,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпѣ дороги нѣтъ;
Тамъ чудотворны боги
Веселые чертоги
Сіяли изъ лучей,
Въ мерцающей долинѣ,
Любимицѣ своей
Фантазіи-богинѣ;
Ея *Природа* мать;
Безпечно ей играть
Даетъ она собою;
Но, радуясь игрою,
Велитъ ее хранить
Тремъ чадамъ первороднымъ,
Чтобъ прихотямъ свободнымъ
Ее не заманить
Въ туманы заблужденій:
То съ пламенникомъ *Геній*,
Наука съ свиткомъ Музъ,
И съ легкою уздою
Очами зоркій *Вкусъ*;

Съ веселою сестрою
Согласные, они
Тамъ нѣжными перстами
Віютъ златые дни;
Все ихъ горитъ лучами;
Во все духъ жизни влитъ:
Въ потокѣ тамъ журчитъ
Гармонія Наяды;
Хранимъ Сильваномъ лѣсъ;
Грудь юныя Дріады
Подъ коркою древесъ
Незримая пылаетъ;
Зефиръ струи ласкаетъ
И льется вкругъ лилей;
Нарцисъ глядитъ въ ручей;
Среди прозрачной пѣны
Летучихъ облаковъ
Мелькаетъ рогъ Селены,
И въ сумракѣ лѣсовъ
Тоскуетъ Филомела.
Хранятъ сего удѣла
Магической покой
Невинность-геній милой
Съ *Безпечностью*-сестрой:
И ихъ улыбки силой
Ни *Скукою* унылой,
Ни мрачной *Суетой*,

Ни *Алчностью* угрюмой,
Ни *Мести* грозной думой,
Ни *Зависти* тоской
Тамъ свѣтлость не мрачится;
Тамъ ясная таится,
Веселью вѣрный другъ,
Гордынею забыта,
Посредственность-Харита,
И ихъ согласный кругъ
Одушевляемъ *Славой* —
Не той богиней бѣдъ,
Которая кровавой
Кладетъ вѣнецъ побѣдъ
Въ дымящіяся длани
Свирѣпостію брани —
Но милою, живой,
Небесною сестрой
Небесныя *Надежды*;
Чужда порока, врагъ
Безумца и невѣжды,
Ея жилища прагъ
Ужасенъ недостойнымъ;
Но тѣмъ душамъ спокойнымъ,
Гдѣ чувство въ простотѣ
Какъ тихой день сіяетъ,
Въ могущей красотѣ
Она себя являетъ,

И въ нихъ воспламенивъ
Къ великому порывъ,
Къ прекрасному стремленье,
Ко благу страшный жаръ,
Имъ оставляетъ въ даръ:
Собою наслажденье.
Мой другъ, и ты пѣвецъ;
И твой участокъ лира;
И ты въ мечтахъ жилецъ
Незнаемаго міра....
Въ мечтахъ? Почто жь въ мечтахъ?
Почто мы не съ крылами,
И вольны лишь мечтами,
А наяву въ цѣпяхъ?
Почто сей тяжкій прахъ
Съ себя не можемъ сринуть,
И міръ совсѣмъ покинуть,
И намъ дороги нѣтъ
Изъ мрачнаго изгнанья
Въ страну очарованья?
Увы, мой другъ.... Поэтъ,
Призраками богатый,
Безпечностью дитя —
Онъ могъ бы жить, шутя;
Но горькія утраты
Живутъ и для него.
Хотя передъ слѣпою

Богинею, покою
Не тратитъ своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свѣтъ тайкомъ,
Въ своемъ углу знакомъ
Съ безславіемъ тщеславныхъ,
Съ печалями забавныхъ
Фигляровъ-остряковъ,
И съ мукою льстецовъ,
Предъ тронами ползущихъ
И съ бѣшенствомъ падущихъ
Въ изрытый ими ровъ —
Но тѣ живѣйши раны,
Которыя, какъ враны
Вгрызаясь въ глубь сердецъ,
Въ нихъ радость истребляютъ
И жизнь ихъ пожираютъ
Ихъ знаетъ и пѣвецъ!
Какими, другъ, мечтами
Сберечь души покой,
Когда передъ глазами,
Подъ дланью роковой,
Погибнетъ то, что мило,
И схваченный могилой
Изчезнетъ предъ тобой
Души твоей родной;
А ты, осиротѣлой,

Дорогой опустѣлой
Ко гробу осужденъ
Одинъ снѣдая слезы,
Тащишь свои желѣзы?
И много ли замѣнъ
Намъ дастъ мечта крылата
Тогда, какъ безъ возврата
Блаженство улетитъ,
Съ блаженствомъ упованье,
И въ сердцѣ замолчитъ
Уныввшее желанье;
И ты, какъ палачемъ
Преступникъ раздробленный,
И къ плахѣ пригвожденный,
Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій-истребитель
Все то, чѣмъ ты дышалъ,
Что, сердцемъ увлеченной,
Въ надеждѣ восхищенной,
Своимъ ужь называлъ,
Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ....
Тебѣ жь одно терзанье
Надъ гробомъ милыхъ благъ?

Но полно!... Муза съ нами;

Безсмертными богами
Не всѣмъ, мой другъ, она
Въ сопутницы дана.
Кто слышалъ въ часъ рожденья
Небесной дѣвы гласъ,
Въ комъ искра вдохновенья
Съ огнемъ души зажглась:
Тотъ вѣрный отъ судьбины
Найдетъ здѣсь уголокъ.
Въ покрытыя мглой пучины
Замчался мой челнокъ....
Но свѣтитъ для унылой
Еще души моей
Поэзіи свѣтило!
Хоть прелестью лучей
Бунтующихъ зыбей
Оно не усмирило....
Но мгла озарена;
Но сладостнымъ сіяньемъ,
Какъ тайнымъ упованьемъ,
Душа ободрена,
И милая мелькаетъ
Въ дали моей Мечта....
Доколь, мой другъ, плѣняетъ
Добро и красота,
Доколь огнемъ священнымъ
Душа еще полна,

И дверь растворена
Предъ взоромъ откровеннымъ
Въ святой Природы храмъ,
Доколь Хариты намъ
Веселыя послушны:
Дотоль еще къ бѣдамъ
Быть можемъ равнодушны.
О добрый Геній мой,
Послѣднихъ благъ спаситель
И жребія смиритель,
Да свѣтитъ надо мной,
Во мглѣ путеводитель,
Твой, Муза, милый свѣтъ!

А ты, мой другъ-Поэтъ,
Храни твой даръ безцѣнный;
То Весты огнь священный;
Пока онъ не угасъ —
Мы живы, невредимы,
И Рокъ неумолимый
Свой громъ неотразимый
Бросаетъ мимо насъ.
Но пламень сей, лишь въ ясной
Душѣ неугасимъ.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;

Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующія муки,
Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Несчастнаго дружимъ
Съ сокрытымъ Провидѣньемъ,
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать:
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ! служенье Музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ.
Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя Природы

Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Приступенъ будь душой;
Когда къ дверямъ смиреннымъ
Обители твоей
Придетъ, съ толпою Фей
Желаній прихотливыхъ,
Фортуна-врагъ счастливыхъ:
Ты двери на замокъ;
Пускай толпа стучится;
Содомъ сей въ уголокъ
Поэта не вмѣстится,
Не вытѣснивъ Харитъ.
Но если залетитъ
Веселій рой вертляный —
Дверь настежъ, милый другъ.
Пускай въ ихъ шумный кругъ
Войдутъ: и *Вакхъ* румяный,
Украшенный вѣнкомъ,
Съ состарѣвшимъ виномъ,
Съ наслѣдственною кружкой,
И *Шутка* съ погремушкой,
И *Пляски* шумный хоръ —
Имъ радъ *Досугъ* шутливый;
Они осклабятъ взоръ
Работы молчаливой.

Задумчивость подъ часъ
Впускай въ пріютъ укромный:
Ея чуть слышный гласъ
И взоръ пріятно-томный
Переливаютъ въ насъ
Покой и услажденье;
Она уединенье
Собой животворитъ;
Она за дальни горы
Насъ къ милому стремитъ —
И радостные взоры,
Согласные съ душой,
За синевой туманной
Встрѣчаются съ желанной
Возлюбленныхъ мечтой;
Ея волшебной силой
Въ гармоніи унылой
Осенняго листка
И въ тихомъ вѣтерка
Вдоль рощи трепетаньи,
И въ легкомъ содроганьи
Дремавшія волны,
Какъ будто съ вышины,
Спускается пріятной
Минувшаго привѣтъ,
И то, что невозвратно,
Чего навѣки нѣтъ,

Опять животворится,
И тихо вѣютъ, мнится,
Надъ нашею главой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сѣни
Невозвратимыхъ тѣни.
Но, другъ мой, приготовь
Въ обители смиренной
Ты теремъ отдаленной:
Имѣть постой безсмѣнной
И *Дружба* и *Любовь*
Привыкли у Поэта;
Лишась блестящихъ свѣта
Отличій и даровъ,
Ему необходимо,
Подъ свой пустынный кровъ
Все то, что имъ любимо,
Собрать въ единый кругъ;
Съ кѣмъ милая и другъ,
Тотъ въ уголъ свой забвенный
Обширныя вселенны
Всю прелесть умѣстилъ;
Онъ міръ свой оградилъ
Заборомъ огорода,
И вдаль за суетой
Не полетитъ мечтой.
Посредственность, свобода,

Животворящій трудъ,
Весселіе досуга
Близь милыя и друга,
И пѣнистый сосудъ
Въ часъ вечера пріятной
Подъ липой ароматной
Съ забвеніемъ суетъ,
Вотъ все.... Но, другъ-поэтъ,
Любовь—святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье —
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ Музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится....
И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При ней цвѣтемъ душой;
Она, какъ Ангелъ милой,

Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость!
Движеній тишина!
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна!
Рѣчей очарованье!
Безпечность простоты,
И прелесть безъ искуства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ непостижной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена;
Вкушаетъ сладость рая;
Земное отвергая,
Небеснаго полна.
О другъ! доколѣ младость
Съ мечтами не ушла,
И жизнь не отцвѣла,
Спѣши любови сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда—всему конецъ;
Но буйностью развратной

Испорченныхъ сердецъ,
Мой другъ, да не сквернится
Твой непорочный жаръ:
Любовь есть неба даръ;
Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
Кто любитъ, тотъ душой
Какъ день весенній ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ....
Ахъ! въ мірѣ семъ—*она*....
Ея святымъ полна
Присутствіемъ Природа;
Съ денницею со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,
И въ смутномъ пробужденья
Блаженствѣ говоритъ:
Я въ мірѣ! я съ тобою!
Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей,

Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою лістся,
И мыслишь: Ангелъ вьется
Незримый надъ тобой.
При ней—задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣлъ твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей, ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье,
И страстное мечтанье —
Языкъ души твоей;
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ толпой;
Она—въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя;
Съ ней розно—лишь въ уныломъ
Мечтаньи бытія
Ты чувство заключаешь;

Всечасно улетаешь
Душею къ тѣмъ краямъ,
Гдѣ ангелъ твой прелестной;
Твое блаженство тамъ,
За синевой небесной,
Въ туманной сей дали —
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой.
Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ,
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ.
Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ,
И тихихъ рощей сѣни,
И темный рядъ холмовъ —
Она передъ тобою;
Съ Природы красотою,

Со всѣмъ въ душѣ слита
Любимая мечта.
Когда воспламененной
Ты мыслію летишь
Къ Правителю вселенной,
Или обѣтъ творишь;
Забыть стезю порока,
При всѣхъ измѣнахъ рока
Быть добрымъ и прямымъ,
И слѣдовать святымъ
Урокамъ и велѣньямъ
И тайнымъ утѣшеньямъ
Лишь совѣсти одной;
Когда разсудка властью,
Торжествовавъ надъ страстью,
Ты выше сталъ душой,
Иль сиротѣ, убитой
Страданіемъ, сокрытой
Благотворилъ рукой —
Кто, кто тогда съ тобой?
Кто чувствъ твоихъ свидѣтель?
Она!... твой другъ, твоя
Невинность, добродѣтель.
Лишь счастіемъ ея
Ты счастье измѣряешь,
Лишь въ немъ соединяешь
Всѣ блага бытія.

Любовь—себя забвенье!
Ты молишь Провидѣнье;
Чтобъ никогда тоской
Взоръ милый не затмился,
Чтобъ грозный лишь съ тобой
Судъ рока совершился.
Лишь слезы, жертвой быть
За ту, кѣмъ сердце жило,
Погибнувъ, жизни милой
Спокойствіе купить —
Вотъ жребій драгоцѣнный!
О другъ! тогда для насъ
И бѣдствія священны.
И пусть тотъ лучь угасъ,
Которымъ украшался
Путь жизни предъ тобой,
Пускай навѣкъ съ мечтой
Блаженства ты разстался —
Своихъ лишенный благъ,
Ты живъ блаженствомъ милой:
Какъ тихое свѣтило,
Оно въ твоихъ глазахъ
Межъ тучами играетъ,
И духъ не унываетъ
При сладостныхъ лучахъ.

Прости жъ, Поэтъ безцѣнной;

Пускай живутъ съ тобой,
Въ обители смиренной,
Посредственность, покой,
И Музы и Хариты,
И Лары домовиты;
Ты къ нимъ любовь питай,
Строй лиру для забавы,
И мимоходомъ Славы
Жилище посѣщай;
И благодать святая
Ея съ тобою будь!
Но, съ Музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
Отъ всѣхъ земныхъ хлопотъ,
И матери заботъ
Фортунѣ поклонившись,
Куда глаза глядятъ,
Идетъ своей тропою
Безпечно за судьбою.
Хотя и не богатъ
Онъ милостями Счастья,
Но Муза отъ ненастья
Дала ему пріютъ;
Туда не забредутъ
Ни хитрости разврата,
Ни свѣта суеты,

Не зная нищеты,
Не знаетъ онъ и злата;
Мечты—его народъ:
Сбираетъ съ нихъ доходъ
Фантазія крылата.
Что ждетъ его вдали,
О томъ онъ забываетъ:
Давно не довѣряетъ
Онъ счастью на земли.
Но, другъ, куда бъ Судьбою,
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной;
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ—
Для нихъ стихи кропаетъ,
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ.

КЪ ТУРГЕНЕВУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

Другъ, отъ чего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ, рѣши мое сомнѣнье.
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю;
Увы! на немъ унынія печать;
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю.
Такъ, и на твой досталося удѣлъ;
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной:
Ты въ наготѣ, другъ милой, жизнь узрѣлъ;
Что въ бездпѣ сей таилось, все извѣстно —

И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ.
И испытавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожиданьемъ,
На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О! не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у Свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія
Что было, есть и будетъ заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостнымъ оно являлось намъ.
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ Музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ; исчезло все — и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали,
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!

Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ нимъ являлась:
Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась....
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ;
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями....
Увы! ихъ нѣтъ.... мы жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: *тамъ!*
Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ плѣнительный призракъ —
Насъ тайное къ нему стремленье мчало;
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль — и тамъ одинъ лишь мракъ.
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, отставшихъ назади,
На милую Фантазію съ мечтами....
Измѣнница! навѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: *иди!*
Куда итти? что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать?
И можно ль, другъ, желаніе питать,

Когда для насъ столь бѣдно исполненье?
Мы разными дорогами пошли;
Но что жь, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье — заблужденье.
Сравни, сравни себя съ самимъ собой:
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?
Бывало все — и солнце за горой,
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьёмъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая —
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та жь .... но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ;
Предъ опытомъ умолкло упованье;
Что въ *оны дни* будило радость въ насъ,
То въ насъ *теперь* унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышанъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ.
О бѣденъ, кто себя переживетъ!
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый:

Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттолѣ унесло,
И съ милыми веселья улетѣли;
Онъ ихъ зоветъ.... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы.

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ простой
Ихъ бытія.... и скорбной нашей траты.
Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя Надежды.
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ —
Гдѣ милаго столь много оставалось —
Что бытіе такъ рано прекращалось.
Но онъ и въ гробъ Мечтой сопровожденъ.
Другой.... старикъ.... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшею главой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не роптал; но съ тихою тоской

Смотрѣлъ на прагъ покоя и могилы —
Увы! тамъ ждалъ его сопутникъ милый;
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла.... и мы въ сей край незримой
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье....
Когда жь? когда?... Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ;
На коемъ насъ свободы генiй ждётъ
Съ спокойствiемъ, безчувствiемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ;
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ;
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ;
Гдѣ мнѣнiе надъ совѣстью властитель;
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель!...
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится —
Но дружба намъ звѣздой отрады будь;
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: за то и мы — не вѣчны.

СТАРЦУ ЭВЕРСУ. *

Вступая въ кругъ счатливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ — на мигъ товарищъ ихъ —
Съ веселыми весельемъ подѣлиться,
И юношей блаженствомъ насладиться....
Но въ семъ кругу меня мой Геній ждалъ.
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ....
Благодарю, Хранитель - Провидѣнье,
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прекоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,
Когда стоялъ ты, старецъ, предо мной

* Писано послѣ праздника, даннаго студентами Дерптскаго Университета.

Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ!
О старецъ мой, въ прекрасныхъ дняхъ твоихъ
Не пропадетъ и сей прекрасный мигъ,
Величіемъ души запечатлѣнный —
Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
Какъ другъ *всего*, и мнѣ ты другомъ былъ;
Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
Нечаянно въ сей жизни повстрѣчавши;
Уже отсель ты въ лучшій смотришь свѣтъ,
И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ.
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
Не съ лучшею, не съ легкою судьбою,
(И можетъ быть, путь долгій предо мною),
Мысль о тебѣ, о братъ священный мой,
Какъ Божій даръ, возьму на жизнь съ собой.
Братъ Эверса!... такъ, я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цѣну знаю:
Въ семъ имени мой долгъ изображенъ.
Не бѣденъ тотъ, кто свойства не лишенъ
Предъ добрыми душею согрѣваться;
Кто мыслію способенъ возвышаться,
Зря благости величественный ликъ.
О! сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала;
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала,
Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ.

„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному — *текущее мгновенье;*
Грядущее — безпечно небесамъ;
Что мрачно *здѣсь*, то будетъ ясно *тамъ;*
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ.„
Вотъ правила для Эверсова брата.

Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ Божество, насъ солнце покидало;
Свершивъ свой день, прощальной лучь бросало
Оно съ высотъ на холмъ и долъ и лѣсъ,
И, тихой блескъ оставя на закатѣ,
Отъ насъ къ другимъ скатилось небесамъ....
О! сколько мнѣ красотъ явилось тамъ!
Я вспомянулъ о Небомъ данномъ братѣ,
О *днѣ* его, о ясной тишинѣ
И сладостномъ на *вечерѣ* сіяньи,
Я вспомянулъ о нѣжномъ завѣщаньи,
Оставленномъ въ названьи брата мнѣ —
И мужество мнѣ въ душу пробѣжало......
Благослови жь меня, священный другъ!
Чтобъ на пути меня ни ожидало,
Отнынѣ мнѣ, какъ благотворный духъ,

Сопутникомъ твое воспоминанье.
Гдѣ бъ ни былъ я, мой старецъ-братъ со мной.
И тихое вечернее сіянье,
Съ моей объ немъ бесѣдуя душой —
Таинственный символъ его завѣта —
Учителемъ отнынѣ будетъ мнѣ:
„Свой здѣшній путь окончить въ тишинѣ!„
И вѣстникомъ прекраснѣйшаго свѣта.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Хотя и много я стихами
Писалъ про свѣтлую луну:
Но я лишь тѣнь ея одну
Моими блѣдными чертами
Невѣрно могъ изобразить.
Здѣсь, Государыня, предъ вами
Осмѣлюсь вкратцѣ повторить
Все то, что вѣтреный мой геній,
Летучій невидимка, мнѣ
Въ минуты свѣтлыхъ вдохновеній
Шепталъ случайно о лунѣ.

Когда съ усопшимъ на конѣ
Скакала робкая *Людмила:*

Тогда въ стихахъ моихъ луна
Невѣрнымъ ей лучемъ свѣтила;
По темнымъ облакамъ она
Украдкою перебѣгала;
То вся была межъ нихъ видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся тучь;
И изрѣдка бродящій лучь
Ужаснымъ блескомъ отражался
На хладной бѣлизнѣ лица
И въ тускломъ взорѣ мертвеца.
Когда жь въ саняхъ съ *Свѣтланой* мчался
Другой извѣстный намъ мертвецъ;
Тогда кругомъ луны вѣнецъ
Сквозь завѣсъ снѣжнаго тумана
Сіялъ на мутныхъ небесахъ;
И съ вѣщей робостью Свѣтлана
Въ недвижныхъ спутника очахъ
Искала взора и привѣта....
Но, взоръ на мѣсяцъ устремивъ,
Былъ непривѣтно-молчаливъ
Пришелецъ изъ другаго свѣта. —
Я помню: рыцарь *Адельстанъ*,
Свершитель страшнаго обѣта,
Сквозь хладный вечера туманъ
По Рейну съ сыномъ и женою
Плылъ, озаряемый луною;

И очарованный челнокъ
По влагѣ волнъ, подъ небомъ яснымъ
Влекомъ былъ лебедемъ прекраснымъ;
Тогда роскошный вѣтерокъ,
Струи лаская, тихо вѣялъ
И парусъ пурпурный лелѣялъ;
И въ небѣ плавая одна,
Сквозь сумракъ тонкаго вѣтрила
Сіяньемъ трепетнымъ луна
Пловцамъ задумчивымъ свѣтила,
И челнока игривый слѣдъ,
И пышный лебедя хребетъ,
И цѣпь волшебную златила. —
Но есть еще челнокъ у насъ;
Подъ бурею, въ полночный часъ
Пловецъ невѣдомый съ *Варвикомъ*
По грозновоющей рѣкѣ
Однажды плылъ въ томъ челнокѣ;
Сквозь ревъ воды, протяжнымъ крикомъ
Младенецъ ихъ на помощь звалъ;
Ужасно вихорь тучи гналъ,
И великанскими главами
Валы вставали надъ валами,
И все гремѣло въ темнотѣ;
Тогда *рогъ мѣсяца блестящій*
Прорѣзалъ тучи въ высотѣ,
И, ставъ надъ бѣздною кипящей,

Весь ужасъ бури освѣтилъ:
Засеребрилися вершины
Встающихъ, падающихъ волнъ....
И на скалу помчался чолнъ;
Среди сіяющей пучины
На той скалѣ Варвика ждалъ
Младенецъ-неизбѣжный мститель,
И руку самъ невольно далъ
Своей погибели губитель;
Младенца нѣтъ; Варвикъ исчезъ....
Вмигъ ужасъ бури миновался;
И ясенъ посреди небесъ,
Вдругъ успокоенныхъ, остался
Надъ усмиренною рѣкой,
Какъ радость, мѣсяцъ молодой. —
Когда жъ невидимая сила
Безъ кормщика и безъ вѣтрила,
Вадима въ третьемъ челнокѣ
Стремила по Днѣпру-рѣкѣ:
Надъ нимъ безоблачно сіяло
Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, надводный темный лѣсъ,
Высокій берегъ—все дремало;
И ярко полная луна
Отъ горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очамъ Вадимовымъ являлась....

Ему луна сквозь темный боръ
Лампадой таинственной свѣтитъ;
И все, что изумленный взоръ
Младаго путника ни встрѣтитъ,
Съ его душею говоритъ
О чемъ-то горестно-ужасномъ,
О чемъ-то близкомъ и прекрасномъ....
Съ невольной робостью онъ зритъ
Пригорокъ, храмъ, могильный камень;
Надъ повалившимся крестомъ
Какой-то легкій вѣетъ пламень,
И сумраченъ сидитъ на нёмъ
Недвижный воронъ, сторожъ ночи,
Туманныя уставивъ очи
Неотвратимо на луну;
Онъ слышитъ: что-то тишину
Смутило; древній крестъ шатнулся,
И сонный воронъ встрепенулся;
И кто-то блѣдной тѣнью всталъ,
Пошелъ ко храму, помолился....
Но храмъ предъ нимъ не отворился,
И въ отдаленьи онъ пропалъ,
Слiясь, какъ дымъ, съ ночнымъ туманомъ.
И далѣ трепетный Вадимъ;
И вдругъ является предъ нимъ
На холмѣ свѣтлымъ великаномъ
Пустынный замокъ; блескъ луны

На стѣны сыплется зубчаты;
Въ кудрявый мохъ облечены
Ихъ неприступные раскаты;
Врата задвинуты скалой;
И вотъ уже надъ головой
Луна, достигнувъ полуночи;
И видятъ путниковы очи
Двухъ дѣвъ: одна идетъ стѣной,
Другая къ ней идетъ на стѣну,
Другъ другу руку подаютъ,
Прощаются и врозь идутъ,
Свершивъ задумчивую смѣну....
Но то, какъ дѣвы спасены,
Ужь не касается луны. —
Еще была воспѣта мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала предъ Москвою
Святая Руская война —
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь: какъ бранный щитъ,
Луна въ небесномъ рдѣла мракѣ;
Нашъ станъ молчаньемъ былъ покрытъ,
И ратникъ въ лиственномъ бивакѣ
Вооруженный мирно спалъ;

Лишь стражу стража окликалъ;
Костры дымились, пламенѣя,
И кое-гдѣ передъ огнемъ,
На яркомъ пламени чернѣя,
Стоялъ Козакъ съ своимъ конемъ,
Окутанъ буркою косматой;
Тамъ острыхъ копій рядъ крылатой
Въ сіяньи мѣсяца сверкалъ;
Вблизи Улановъ рядъ лежалъ;
Надъ ними ихъ дремали кони;
Тамъ грозныя сверкали брони;
Тамъ пушекъ заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали, и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой;
И въ отдаленьи полосами,
Сліянны съ дымомъ облаковъ,
Биваки дымные враговъ
На краѣ горизонта рдѣли;
Да кое-гдѣ вблизи, вдали,
Тѣла, забытыя въ пыли,
Въ ужасномъ образѣ чернѣли
На яркихъ мѣсяца лучахъ....
И между тѣмъ на небесахъ,
Надъ грознымъ полемъ истребленья,
Ночныя мирныя видѣнья

Свершались мирно, какъ всегда:
Младая вечера звѣзда
Привычной прелестью плѣняла;
Неизмѣняема сіяла
Луна землѣ съ небѣсъ родныхъ,
Не зная ужасовъ земныхъ;
И было тихо все въ природѣ,
Какъ тамъ на отдаленномъ сводѣ:
Спокойно лѣсъ благоухалъ,
И воды къ берегамъ ласкались,
И берега въ нихъ отражались,
И вѣтерокъ равно порхалъ
Надъ благовонными цвѣтами,
Надъ лономъ трепетныхъ зыбей,
Надъ бронями, надъ знаменами
И надъ безмолвными рядами
Объятыхъ сномъ богатырей....
Творенье Божіе не знало
О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.
А Рокъ межъ тѣмъ не засыпалъ;
Надъ ратью молча онъ стоялъ;
Держала жребій десница;
И взоръ неизбѣжимый лица
Имъ обреченныхъ замѣчалъ. —

Еще я много описалъ
Картинъ луны: то надъ гробами
Кладбища сельскаго она
Катится по небу одна,
Сіяніемъ невѣрнымъ бродитъ
По дерну свѣжему холмовъ,
И тѣни шаткія дерёвъ
На зелень блѣдную наводитъ,
Мелькаетъ быстро по крестамъ,
Въ оконницахъ часовни блещетъ,
И, внутрь ее закравшись, тамъ
На золотѣ иконъ трепещетъ;
То вдругъ, какъ въ дымѣ, безъ лучей,
Когда встаютъ съ холмовъ туманы,
Задумчиво на дубъ *Минваны*
Глядитъ, и вѣя передъ ней,
Четой сліянною двѣ тѣни
Спускаются къ любимой сѣни,
И шорохъ слышиться въ листахъ,
И пробуждается въ струнахъ,
Перстамъ не видимымъ послушныхъ,
Знакомый гласъ друзей воздушныхъ;
То вдругъ на *взморьѣ* — гдѣ волна
Плеская прыщетъ на каменья,
И гдѣ въ тиши уединенья,
Воспоминанью предана,
Привыкла вслушиваться Дума

*

Въ гармонію ночнаго шума, —
Она *въ величественный часъ*
Всемірнаго успокоенья
Творитъ волшебныя для глазъ
На влагѣ дремлющей видѣнья;
Иль тихо зыблясь въ ней горитъ,
Иль раздробившись закипитъ
Съ волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдругъ огромныя морщины
По влагѣ ярко проведетъ,
Иль огненной змѣей мелькнетъ,
Или подъ шлюбкою летящей
Забрызжетъ пѣною блестящей....
Довольно; все пересчитать
Мнѣ трудно съ Музою лѣнивой;
Къ тому жь ей долгъ велитъ правдивой
Вамъ, Государыня, сказать,
Что сколько разъ она со мною,
Скитаясь въ сумракѣ ночей,
Ни замѣчала за луною:
Но все до сей поры мы съ ней
Луны такой не подглядѣли,
Какою на небѣ ночномъ,
Въ концѣ прошедшія недѣли,
Надъ чистымъ Павловскимъ прудомъ
На колонадѣ любовались;
Давно, давно не наслаждались

Мы тихимъ вечеромъ такимъ;
Казалось все преображеннымъ;
По небесамъ уединеннымъ,
Полупотухшимъ и пустымъ,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыханія въ листахъ;
Ни легкой струйки на водахъ;
Все нѣжилось, все померкало;
Лишь ярко звѣздочка одна,
Лампадою гостепріимной
На краѣ неба зажжена,
Мелькала намъ сквозь западъ дымной,
И свѣтлымъ лебедемъ луна
По блѣдной синевѣ востока
Плыла, тиха и одинока;
Подъ усыпительнымъ лучемъ
Все предавалось усыпленью —
Лишь изрѣдка пустымъ путёмъ,
Своей сопутствуемый тѣнью,
Шелъ запоздалый пѣшеходъ,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкій шумъ плеснувшихъ водъ
Смущали вечера молчанье.
Въ зерцало ровнаго пруда
Глядѣлось мирное свѣтило,
И въ лонѣ чистыхъ водъ тогда
Другое небо видно было

Съ такой же ясною луной,
Съ такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящій
Крыломъ неслышнымъ вѣтерокъ
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивалъ потокъ:
Луна звѣздами разсыпалась;
И смутною во глубинѣ
Тогда краса небесъ являлась,
Толь мирная на вышинѣ....
Понятное знаменованье
Души въ ея земномъ изгнаньѣ:
Она небеснаго полна,
А все земнымъ возмущена.
Но какъ назвать очарованье,
Которымъ душу всю луна
Объемлетъ такъ непостижимо?
Ты скажешь: Ангелъ невидимо
Въ ея лучахъ слетаетъ къ намъ....
Съ какою вѣстью? Мы не знаемъ;
Но вѣстника мы понимаемъ;
Мы вѣримъ сладостнымъ словамъ,
Невыражаемымъ но внятнымъ;
Летимъ неволею за нимъ
Къ тѣмъ благамъ сердца невозвратнымъ,
Къ тѣмъ упованіямъ святымъ,
Которыми когда-то жили,

Когда съ привѣтною Мечтой,
Еще не встрѣтившись съ Судьбой,
У ясной Младости гостили.
Какъ часто вдругъ возвращено
Какимъ-то быстрымъ мановеньемъ
Все улетѣвшее давно!
И видимъ мы воображеньемъ
Тотъ свѣжій лугъ, гдѣ мы цвѣли;
Даруемъ жизнь друзьямъ отжившимъ;
Былое кажется небывшимъ
И насъ манящимъ издали;
И то, что *нашимъ* было прежде,
Съ чѣмъ мы простились навсегда,
Намъ мнится *нашимъ*, какъ тогда,
И ввѣреннымъ еще надеждѣ....
Кто жъ изъяснитъ намъ, что она,
Сія волшебная луна,
Другъ нашей ночи неизмѣнный?
Не островъ ли она блаженный,
И не гостиница ль земли,
Гдѣ, навсегда простясь съ землёю,
Душа слетается съ душою,
Чтобъ повидаться издали
Съ покинутой, но все любимой
Ихъ прежней жизни стороной?
Какъ съ прага хижины родимой
Надъ брошенной своей клюкой

Съ утѣхой странникъ отдохнувшій,
Глядитъ на путь уже минувшій
И думаетъ: „тамъ я страдалъ,
„Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся,
„Тамъ утомленный отдыхалъ
„И съ новой силою сбирался.“
Такъ наши, можетъ быть, друзья
(Въ обѣтованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаній утѣшенье
Вкушаютъ, глядя изъ луны
Въ предѣлы здѣшней стороны.
Здѣсь и для нихъ была когда-то
Прелестна жизнь какъ и для насъ;
И ихъ манилъ надежды гласъ,
И ихъ испытывала тратой
Тогда имъ тайная рука
Разгаданнаго Провидѣнья.
Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
Чѣмъ жизнь прискорбна, чѣмъ сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смѣлость, трепетъ страха,
Высокихъ замысловъ мечта,
Великость, слава, красота....
Все стало бѣдной горстью праха!
И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ

Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ:
Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то
Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Смятеннымъ пламенемъ согрѣто.
Да можетъ быть въ краю иномъ
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и нынѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіёмъ;
И нынѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой;
И, знавшись съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подъ часъ утѣхой неземной
На сердце наше налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

РОМАНСЪ.

СИРОТКА.

Трогательное произшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна *забывчивая* мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ, при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостію посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята въ семейство А. П. Пл.... вой, которая пеклась объ ней съ материнскою нѣжностію, и не разнила ее ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ были возвращены матери.

ЭЛЕГІИ.

СЛАВЯНКА.

Славянка рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ, и въ особенности два памятника, произведеніе знаменитаго Мартоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ Государынею вдовствующею Императрицею въ честь покойнаго Императора Павла. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ Павла; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на пьедесталѣ изображено въ барельефѣ семейство Императорское: Государь Александръ представленъ сидящимъ; голова Его склонилась на правую руку, а лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ

двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ, на встрѣчу первой.—Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ (сливающейся передъ самымъ дворцемъ въ небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое нибудь радостное произшествіе въ Высокомъ Семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная *урна Судьбы*. Далѣе: на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ ея; вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; она готова покинуть міръ сей; она еще не улетѣла, но душа ея смиренно покорилась призывающему ея гласу; и взоры и рука ея, подъятые къ небесамъ, какъ будто говорятъ: *да будетъ воля твоя*. Жизнь, въ видѣ юнаго Генія, простирается у ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но она ея не замѣчаетъ; она повинуется одному Небу—и уже надъ головой ея сіяетъ звѣзда новой жизни.

НА КОНЧИНУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

Нѣкоторые стихи сей Элегіи покажутся непонятными для читателя, если не будетъ онъ знать обстоятельствъ того печальнаго произшествія, которое въ ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительно неожиданная: она ужасно напомнила намъ о невѣрности земнаго величія и счастія. Еще никакое извѣстіе о потерѣ нашей не могло до насъ достигнуть, а уже какое то неизъяснимое предчувствіе распространило пророческіе о ней слухи, и горестная истина скоро ихъ подтвердила.

Кого спѣшишь, ты, Прелесть молодая,
Въ твоихъ дверяхъ такъ радостно встрѣчать?

Авторъ имѣлъ честь находиться у Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ за минуту передъ тѣмъ, какъ Она узнала о кончинѣ Королевы. Вдругъ, посреди веселаго, спокойнаго разговора, , послышался стукъ въ дверяхъ, потомъ голосъ Великаго Князя, Ея Высочество съ веселымъ лицемъ вышла къ нему и за порогомъ дверей встрѣтило Ее страшное извѣстіе

И ты спѣшишь съ надеждой на свиданье!

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ определено было испытать весь ужасъ неожиданной потери. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, ничего не предчувствуя, ѣхала въ Штутгардъ на веселое свиданіе съ Королевою: но ОНА должна была воротиться съ послѣдней станціи; ибо Той, которая ждала ЕЕ, которую ОНА надѣялась обнять, уже не было на свѣтѣ.

Изъ дома въ домъ по улицамъ столицы
Страшилищемъ скитается Молва.

Весь Петебургъ пораженъ былъ ужасною вѣстію — а сердце Матери было спокойно: его еще наполняла свѣжая радость недавняго свиданія. Наконецъ общая печаль и нѣсколько словъ, приготовляющихъ къ узнанію неизбѣжнаго, пробудили его: оно уже открывалось для принятія скорби — но случай, жестокая игра судьбы, снова его ободрилъ: пришло письмо изъ Штутгарда, писанное Королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ея съ жизнію, и мертвая воскресла для Матери, воскресла на минуту, чтобы въ другой разъ умереть для Нее и живѣе разорвать Ея душу послѣ мгновенной, мучительно-обманчивой радости.

Скажи, скажи, супругъ осиротѣлой,
Чего надъ ней ты такъ упорно ждешь!

Король съ какимъ то упрямствомъ отчаянія долго не хотѣлъ и не могъ вѣрить своей утратѣ: долго сидѣлъ онъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Супруги, сжавши въ рукахъ своихъ охладѣвшую руку Ея и ждалъ, что Она откроетъ глаза. Окруженный Ея дѣтьми, онъ шелъ за Ея гробомъ. Не долга Она украшала тронъ свой, не долго была радостію новаго своего отечества: но милая память Ея хранима любовію благодарною. Близъ Штутгарда есть высокій холмъ (Rothenberg), на которомъ нѣкогда стоялъ прародительскій замокъ Фамиліи Виртембергской—время его разрушило; но теперь, на мѣстѣ его развалинъ, воздвигнуто зданіе, столь же разительно напоминающее о непрочности всѣхъ земныхъ величій, церковь, въ которую перенесены будутъ остатки нашей Екатерины: прекрасная ротонда, съ четырьмя портиками. Памятникъ, необыкновенно трогательный: съ порога этаго надгробнаго храма восхитительный видъ на живую, всегда неизмѣнную природу. Въ Штутгардской Руской церкви, въ которую приходила молиться Екатерина, все осталось, какъ было

при Ней; кресла Ея стоятъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Не льзя безъ грустнаго чувства смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣднiй разъ благословилъ Ее Государь Императоръ: на немъ изображенъ Святый Александръ Невскiй, виды Нева, Зимнiй дворецъ и надъ ними радуга — свѣтлое, но *минутное* украшенiе здѣшняго неба.

ПОСЛАНIЯ.

КЪ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРIИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Ея Императорскому Величеству угодно было, чтобъ Авторъ, жившiй тогда въ деревнѣ, доставилъ Ей списокъ *Пѣвца во станѣ Рускихъ воиновъ.* Исполняя волю Государыни, онъ осмѣлился къ желаемому списку присоединить это посланiе.

КЪ ВОЕЙКОВУ.

А. Ѳ. Воейковъ, извѣстный нашъ стихотворецъ, объѣздивъ нѣкоторыя южныя провинцiи Россiи, посѣтилъ Автора, жившаго въ деревнѣ (въ концѣ 1813). Онъ написалъ нѣсколько стиховъ въ похвалу поэмы его *Владимiръ*, существующей въ одномъ только воображенiи.

КЪ ТУРГЕНЕВУ.

Сiе посланiе посвящено воспоминанiямъ молодости: двухъ друзей, украшавшихъ ее, нѣтъ уже на свѣтѣ.

Одинъ исчезъ изъ области земной
Въ объятiяхъ веселыя Надежды.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ. Онъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно проницательной, острой и ясной; чистое, исполненное любви къ прекрасному, сердце. Въ семъ посланiи изображенъ онъ такимъ, каковъ былъ.

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ прiятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?

Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ!

Наружность его отвѣчала его характеру; *быстрый* взоръ, казалось, ясно читалъ въ каждомъ сердцѣ; но этотъ взоръ никого не приводилъ въ замѣшательство—въ немъ сіяла кроткая, непритворная, доброжелательная душа. И разговоръ его былъ таковъ же: не возможно было имѣть болѣе остроты и ничья острота не имѣла въ себѣ столь много привлекательнаго, ибо она была непринужденная, не оскорбляла самолюбія, соединялась съ *нѣжностію сердечною* и была самымъ пріятнымъ выраженіемъ. Стихъ:

Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?

есть самое вѣрное изображеніе той дружбы, которую питали къ нему его товарищи: этимъ *однимъ*, общимъ для всѣхъ нихъ чувствомъ, тѣснѣе были они соединены и между собою. Онъ точно былъ для нихъ *душею всѣхъ радостей.* И теперь съ живымъ объ немъ воспоминаніемъ всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ и все, что было лучшаго въ этомъ лучшемъ времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка; но это *все* безплодно погибло для здѣшняго свѣта.

Другой... старикъ! сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ Смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшею главой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Онъ имѣлъ несчастіе пережить милаго сына, и эта потеря, кажется, была отъ части причиною собственной, преждевременной смерти его: онъ умеръ не въ дряхлыхъ лѣтахъ, отъ паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностію, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностію:

Его сѣдинъ свобода не чуждалась!
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ!
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами!
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Это изображеніе самое вѣрное. Не льзя безъ сладкаго чувства вспомнить объ этомъ старцѣ. Онъ былъ *живой юноша* въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, и будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою. Послѣдніе годы жизни его были горестны. Тяжелая болѣзнь мало по малу его уничтожала.

Онъ мыслію, безмолвный предъ Судьбой,
Молилъ Творца: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла.. ..

И отецъ и сынъ покоятся вмѣстѣ. Они погребены на кладбищѣ Невскаго монастыря. Одинъ камень покрываетъ ихъ могилы.

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТЪ О ЛУНѢ.

Прекрасная лунная ночь въ Павловскѣ подала поводъ написать это посланіе. Государынѣ Императрицѣ угодно было дать замѣтить Поэту красоту этой ночи, и онъ, изчисливъ разныя прежде имъ сдѣланныя описанія луны, признается въ стихахъ своихъ, что ни которая изъ этихъ описанныхъ лунъ не была столь прелестна, какъ та, которая въ ту ночь освѣщала Павловскія рощи и воды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРАГО ТОМА.

РОМАНСЫ и ПѢСНИ.

Стр.

Тоска по миломъ 7
Мальвина 9
Цвѣтокъ 10
Пѣснь Араба 11
Добрая мать 14
Пловецъ 16
Пѣсни . . . . . 18—25
Жалоба 26
Сиротка 27
Пѣснь Русскому Царю 30
Народная пѣсня 32
Вѣрность до гроба 34
Голосъ съ того свѣта 36
Ночь 37
Утѣшеніе въ слезахъ 38
Къ мѣсяцу 39

Стр.
Пѣсня бѣдняка........................41
Весеннее чувство........................43
Утѣшеніе........................44
Таинственный посѣтитель........................45
Мотылекъ и цвѣты........................47
Мимопролетѣвшему генію........................50
Желаніе........................52
Младенецъ........................53
Сонъ........................55
Счастіе во снѣ........................56
Пѣсни........................56, 57
Замокъ на берегу моря........................58
Горная дорога........................59
Пѣвецъ........................61
Жизнь........................63
Узникъ къ мотыльку........................67
Мечты........................70
Элизіумъ........................74
Путешественникъ........................77

ЭЛЕГІИ.

Славянка........................83
На кончину Королевы Виртембергской........................90
На кончину Императрицы Маріи Ѳеодоровны........................99
Вечеръ........................104
Сельское кладбище........................109
Море........................116

ПОСЛАНІЯ.

Императору Александру........................121
Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ........................140

Стр.

Государынѣ Александрѣ Θеодоровнѣ.......145
Вождю побѣдителей.......................153
Къ Воейкову.............................158
— Блудову...............................170
— Вяземскому и Пушкину..................176
— К. Оболенской.........................182
— Вяземскому............................185
— Иннѣ..................................190
— Филалету..............................195
— Батюшкову.............................199
— Тургеневу.............................225
— Эверсу................................231
Подробный отчетъ о лунѣ.................235
Примѣчанія..............................253

№ 1229

БИБЛИОТЕКА

1р. 70к